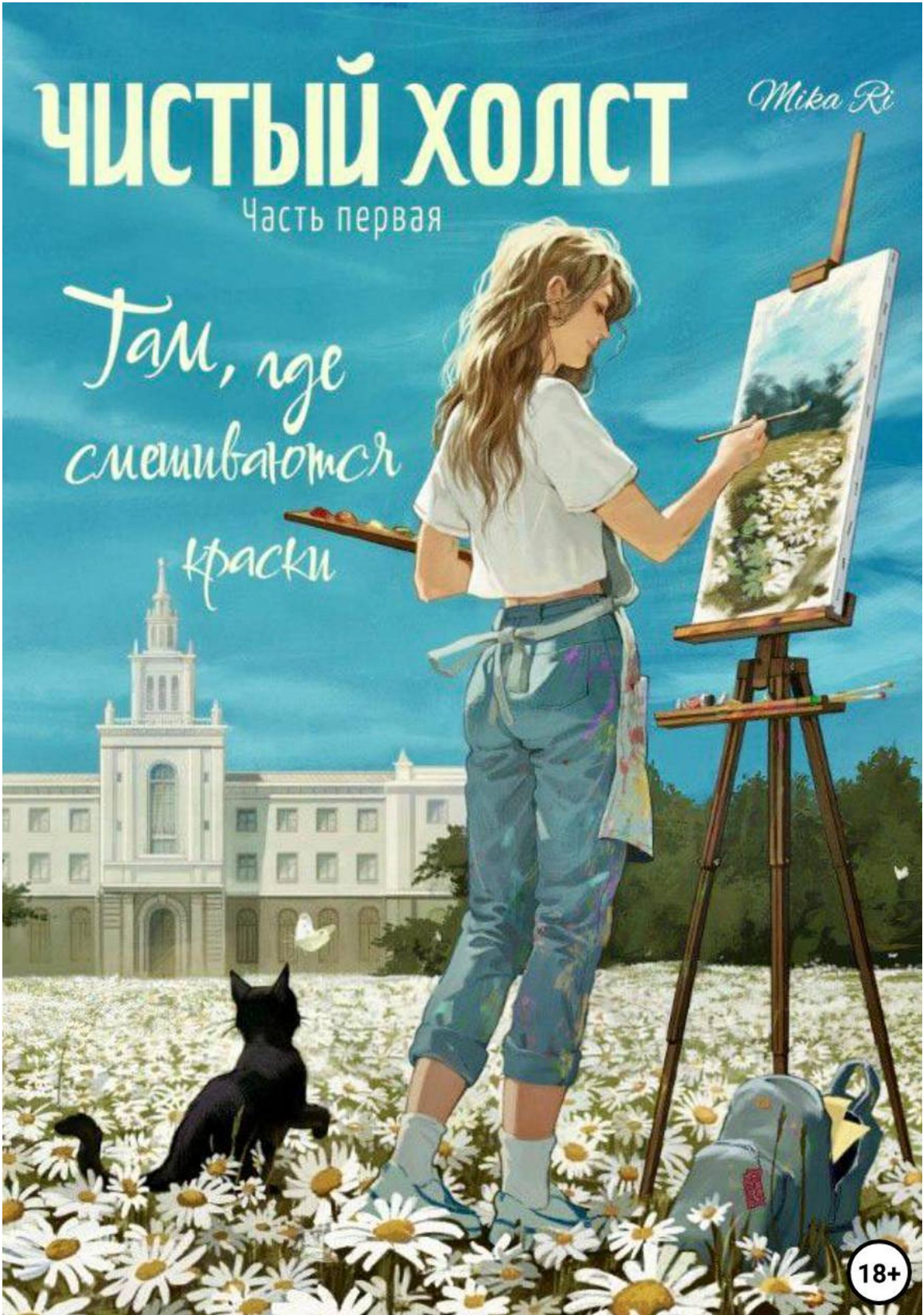
ЧИСТЫЙ ХОЛСТ

Mika Ri

Часть первая

Там, где смешиваются краски



18+

Mika Ri

Там, где смешиваются краски

«Автор»
2025

Ri M.

Там, где смешиваются краски / M. Ri — «Автор», 2025

Ушлый сорванец и юный мечтатель Натали Лэнг всегда жила яркими красками и смелыми мазками. Поступление в престижный университет Брук-Эйдж станет главным штрихом на ее полотне. Казалось, наброски обретают черты, но вдруг жизнь — этот незримый наставник — взяла в руки ластик.Теперь перед Натали — чистый холст. И первый штрих придется делать вслепую.Это история о том, как не разучиться видеть чудеса и обнаружить, что настоящее искусство живет в совершенно неожиданном месте.

© Ri M., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Не люблю долгих прощаний 6
Ну чем не маньяк? 11
Здравствуй, Брук-Эйдж 20
Беги! 30
Сквозь темную материю 35
Есть еще кое-что… 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Mika Ri
Там, где смешиваются краски

Это счастье, если, повзрослев, ты сможешь
сохранить немножечко наивности и веры в чудо.

Не люблю долгих прощаний

Со школьной скамьи я часто слышала, что, когда получаешь диплом, ты становишься взрослым. И если ровесники стремились скорее стать этим самым взрослым, то я не хотела. Я любила все, что называлось детством. И вот сейчас я сижу в своей комнате и смотрю в окно, очерчивая взглядом подъездную дорожку, детскую площадку, знакомых соседей и папину машину. Уже в который раз слышу голос родителей, что нам пора. А я все не могу собраться и оторваться от подоконника.

Взросление приходит внезапно.

Я выросла в обычной семье. Моего отца зовут Филипп. Он работает садовником в доме у финансового инвестора и частенько щеголяет данным обстоятельством перед гостями. Нельзя сказать, что папины работы являются шедеврами, но небрежность присутствует. Отец говорил: «Мне всегда твердили: „Будь внимательней“». Но, видимо, говорили без толку: до сих пор иногда попадается торчащий листик из клумбы, так что Розе, – поварихе в доме, где работает отец, – приходится брать секатор и по вечерам орудовать в летнем саду. А помогает она потому, что тепло относится к папе и за много лет работы привязалась к нему. Роза мне нравится. Она часто передает мне домой выпечку, которую я уминаю за обе щеки.

К Филиппу многие относятся с теплотой. Может, из-за того, что мой отец всегда был немного ребенком, что как раз другую часть окружающих раздражает. Например, директора школы или командира на службе в армии. Еще у папы в запасе всегда много историй, которые нас с мамой смешат до колик.

Маму зовут Мэри. Она ангел-хранитель нашей семьи.

Мои родители познакомились еще в детстве, их разделяла между собой пара домов, и, как говорит, отец, он влюбился в маму с первой лопатки в песочнице, на что мама подтрунивает над ним и отвечает, что не помнит такого.

Встречаться мои родители начали в старших классах, и уже на первом курсе университета мой отец сделал маме предложение. Но она хотела еще какое-то время посвятить себя игре на пианино, поэтому свадьбу решили отложить.

Мама всегда мне говорила, что в музыке можно найти все, что отзывается в тебе и чего и не опишешь словами. Уже с малых лет я неплохо разбиралась в классике и, когда у меня было настроение, аккомпанировала маме.

После университета Мэри отправилась на гастроли с труппой. Через год она вернулась. И не успела она ступить на перрон – Филипп отвез ее в церковь, куда невероятным образом собралась наша немаленькая семья. Они обвенчались. Стоит ли говорить, что Мэри всегда припоминает отцу при виде свадебной фотографии, что у нее не было времени опомниться, не говоря уже об отсутствии подвенечного платья!

Не знаю, как по мне, эти фотографии лучатся теплотой. Мамины глаза говорят о многом, и ничего, что она стояла в обычном сарафане. Они там счастливые. Мама вскоре забеременела и с головой ушла в семейные заботы. Времени на любимую музыку не оставалось. Но до сих пор я часто наблюдаю ее, стоящую рядом с пианино с грустным и мечтательным взглядом.

О детстве у меня остались теплые воспоминания. Меня всегда поддерживали в моих начинаниях, а их было много. Еще со школы я была непоседой. Моя энергия всякий раз норовила вылиться в неприятности. Мама вечно меня доставала то из жидкой грязи на лужайке, то из колючих кустов. В дом я тащила бездомных кошек, иногда собак и кормила тем, что находила в холодильнике. И когда меня сдувало ветром в неизвестном направлении, мама выдворяла эту живность на улицу.

Еще я любила бегать с мальчишками и играть в футбол. Игры в куклы я не уважала. У нас была удалая компания: я, «долговязый» Роб, «хитрый» Энди, «тихоня» Найджел и «крутой» Макс. Мы всегда встревали в переделки, и мои родители порой менялись в лице, когда выслушивали от моих учителей или соседей очередную историю об их умнице-красавице дочке.

Но наказывать меня не наказывали. Отец напускал на себя строгий вид, а мама в такие моменты уходила в другую комнату, думая, что Филипп начнет меня справедливо ругать. Но папа никогда на меня голос не повышал, а только порицал для виду. Мне казалось, что он и сам был не прочь оказаться на моем месте.

Когда я окончила школу, передо мной, как сказали взрослые, встал серьезный выбор. Но для меня все было очевидно. Тонкая натура моей матери мне все же передалась, и я решила освоить профессию художника. Родители молчаливо поддерживали, но по глазам матери я видела, что это не совсем искренне, и спустя годы я поняла почему.

Я была молода и неопытна, и, как тогда казалось, весь мир был передо мной – только руку протяни. Я решила поступить в университет Брук-Эйдж, который находился в другом городе, в восьми часах езды к югу от моего дома. Так что если мне все надоест, я сяду на первый поезд и уеду. Так я решила.

Конец лета и взрослая я. Я часто мечтала, но каждый раз о разном: например, в шесть лет – что буду известной актрисой в Париже или кинозвездой в Голливуде; в восемь – что стану археологом и найду какой-нибудь редкий свиток, а потом меня непременно пригласят на телевизионное шоу и я прославлюсь как искательница редких сокровищ. Был момент, я хотела стать ветеринаром, но, увидев настоящую смерть соседской собаки, передумала. Пережить еще раз нечто подобное я оказалась не в силах.

С шестнадцати лет я стала грезить о своих полотнах, выставлявшихся на экспозициях в Лувре или Национальной галерее Виктории.

В выпускном классе по выходным я тянула маму на новые выставки. Я могла часами смотреть на картины. Мама всегда удивлялась, как при моем неуемном характере я не замечала времени. Порой мама меня находила еще в начале выставки и сообщала, что время посещения закончилось.

Я считала поразительным, как мастер может запечатлеть движение настолько живо. Кажется, вот-вот у «Дамы с зонтиком» Моне зонтик возьмет и улетит, а при виде «Едоков картофеля» Ван Гога мое сердце сжималось, и тут же хотелось накормить бездомную животину. Мне очень нравятся русские художники. Особенно Перов. Его картина «Дилетант» всегда вызывает улыбку. Мне бы не хотелось, чтобы так смотрели на мои работы.

Летом я уходила в ромашковое поле и зарисовывала карандашом то, что видела. Учитель по рисованию относился скептически к моей технике, но отмечал, что есть душа, а я всерьез задумалась о наличии души у ромашек.

Как-то раз папа взял меня с собой на работу, и я не нашла ничего лучше, как нарисовать портрет Розы. Она смущалась моего пытливого взгляда и оружия в руке в виде карандаша. Но из раза в раз сдавалась, позволяя рисовать.

– Роза, вы прекрасная натурщица! – заключила я, продолжая заканчивать линию морщинки около рта.

– О господи, Натали, что ты такое говоришь! Ох! Дела! Не дай бог, нас мистер Сандерс услышит! – тут Роза почему-то перекрестилась, видимо, подумав о чем-то неприличном.

– Но миссис Роза!

– Мисс!

Роза не была замужем и не имела детей. Так сложилось, что этой доброй женщине пока не пришлось встретить того самого. Может, все из-за того, что она вся постоянно в муке?

– Мисс Роза! Вы знаете, вы очень фактурная. У вас такие формы и черты лица, что, поверьте, если бы вас рисовал настоящий художник, он бы влюбился в вас и не смог бы закончить картину, потому что не нарисовать совершенство несовершенному автору!

– Ну ты и балда, садись. И где это таким словам молодежь учат?! Поешь. Ты уже три часа рисуешь.

Я уплетала мясной суп, а Роза, уверенная, что я не замечу, взглянула на мой рисунок. Но от меня не скрылось, что уголок ее губ дернулся вверх. Роза правда была хороша, и появившиеся морщины ничуть не делали ее менее красивой, а наоборот – придавали особый шарм. Ей было немного за сорок. Небольшая полнота ей определенно шла, а лицо всегда светилось теплотой.

За пару визитов и вкусных обедов я закончила ее рисовать и продемонстрировала рисунок маме.

– Даже представить не могла, что ты так хорошо чувствуешь натуру! У тебя талант.

До таланта, конечно, было далеко, но на этот раз мне и самой почти понравилось. Как известно, многие мастера до ужаса критичные к своему творчеству люди. Но похвалу слышать приятно.

– Спасибо, мам.

Ну вот мы всей семьей стоим на вокзале. Через двадцать минут закончится посадка на поезд. С собой я взяла небольшой чемоданчик (еще с маминых гастролей) и походную сумку. Папа с мамой друг друга обнимают. Мама, понятное дело, в слезах. Папа делает вид, что третий раз за пять минут ему попадает соринка в глаз, а мой брат ждет, когда вся эта история закончится и можно будет сесть за учебник.

– Ну долго еще? – спросил Ник.

Брат появился на свет через пять лет после меня и с ранних лет часто болел. Когда приступы были особенно сильны, мама старела на десятки лет. Но с возрастом болезнь стала отступать, и Ник вымахал крепким парнем. Как сказали врачи, иммунитет у брата был сильным, но из-за сквозняков в доме болезнь принимала затяжной характер.

Мы с детства соперничали. Я никогда не упускала случая его задеть. Когда брат подрос, он все чаще брал вверх в догонялках, стрелялках, прятках и т. д. Поэтому мне приходилось быть изворотливей.

В наших вечных перепалках родители занимали в основном его сторону, что меня бесило и заставляло искать новые способы его достать. Холодная вода в душе – я. Портфель в мусорном баке – я. Его порция еды у бездомной кошки – я. Здоровые жуки под подушкой – тоже я. Если раньше он плакал и бежал к маме, то сейчас мог ответить мне. Поэтому стратегию пришлось изменить, отойти в сторону и издеваться только тогда, когда он точно не ждет.

Брат был моей противоположностью. Дружил Ник своеобразно, на мой взгляд, и предпочитал игру в баскетбол крутой авантюре. Он много читал, помогал маме по дому, за что брата ставили мне в пример. Если спросить, кто на кого похож характером, то я была ближе к отцу, а Ник – к маме.

– Ник, потерпишь. Ты что, не понимаешь, что Нат от нас уезжает?! – сказала мама.

Моя мама даже сейчас, имея почтенный возраст, сохранила свое изящество, мягкость движений. У нее хрупкое телосложение, из-чего она кажется Дюймовочкой на фоне отца. Родители – счастливые в браке люди. Серебро уже коснулось их волос, но они до сих пор держатся за руки, даже сейчас, что нас с Ником удивляет.

– Мам, ну перестань, я буду к вам приезжать, – сказала я и, желая успокоить, добавила: – И звонить, и писать буду регулярно.

– Да кто ж за тобой присмотрит? – утирая слезы, сказала мама. – Ты же у меня такая растяпа.

– Мам, ты сама говорила, что мне стоит повзрослеть. И ты будешь мной гордиться, когда мы вместе пойдем на мою выставку. Не переживай. Не успеешь оглянуться, я вернусь.

– Держи, пусть это будет напоминать о доме, – мама протянула мне брелок в виде скрипки, и я сразу убрала его в сумку.

– Доча, я тобой горжусь. Покажи им там, – подал голос папа, который в десятый раз пытался одолеть соринку. – И не забывай нас с матерью, – отец нежно взял мамину руку.

– Мам, пап, ну как про вас забудешь?! Если я на сутки пропаду, вы же всех на уши поднимете!

– Это уж точно, дочь! – усмехнулся отец.

Я подошла к маме и обняла ее. В ответ меня сжали так крепко, что на мгновение стало тяжело дышать, и я почувствовала, как слезы подступают к горлу. Поцеловав маму в щеку, я потянулась к отцу. Я приподнялась на цыпочки, отец чмокнул меня в макушку и коротко обнял.

Ник стоял в шаге от нас и, потупившись, пытался поддеть камешек на дороге. Ничего себе, этот задира и носом хлюпает! Я сделала шаг к нему и щелкнула по носу:

– А ну, чего это ты, как девчонка, носом шмыгаешь?

– Ничего я не девчонка! – вскинулся Ник.

– Ладно тебе. Не грусти. И тебе писать буду, – брат посмотрел на меня удивленно. – Но если будешь убирать у меня в комнате. – Ник снова насупился, и я потрепала его по макушке, что ему никогда не нравилось.

По громкоговорителю объявили, что посадка на рейс Голтон – Рейджин заканчивается. Пора, иначе мы здесь Ниагарский водопад устроим. Ей-богу.

Не люблю прощальных слов. Обвела всех взглядом и зашагала в сторону вагона. Мельком я увидела, как мама прижимается к отцу и утирает слезы, отец уже не скрывает, что у него нет никакой соринки, а брат мысленно грызет гранит науки.

Волнение меня захватило, когда я нашла свое посадочное место и посмотрела в окно. Я впервые покидаю родные места, и впереди неизвестность.

Рядом пустовало место, что было странно. Это был рейсовый поезд, в котором много народу. В нашем городе аэропорта нет, и добраться до него можно или поездом, или на машине, что снижало шансы на то, что я смогу насладиться одиночеством и помечтать о предстоящем. Видимо, мой сосед не особо пунктуален.

Я достала блокнот и карандаш. Потерявшись в рисунке, я подпрыгнула на месте, когда мимо меня пронесся вихрь. Через мгновение этот вихрь вернулся и уставился на меня.

– Натали Лэнг?! – вскрикнул вихрь.

– Эмма Вуд?! – мы, визжа, стали обниматься.

– Боже, Нат! Как ты похорошела! Ты очень похожа на Мэри. Точная копия.

– Ты сама на себя посмотри, Эмм!

– Боже! Сколько лет! – воскликнула Эмма. – Я и забыла, что ты живешь в Голтоне!

– Ну еще бы! Твоя семья на одном месте долго не задерживается, – ответила я, продолжая поглощать взглядом повзрослевшую подругу.

– Ну ты ведь помнишь моих родителей? Я уже и не знаю, что такое оседлый образ жизни. Но попробуй скажи это моей маме! – звонко говорила школьная подруга.

– И правда. Ты проучилась со мной всего полгода.

В средней школе я была противным подростком, общение со сверстниками было в тягость. А когда порог класса переступила взбалмошная и шумная Эмма, я поняла, что с ней мы подружимся. Так и произошло. По вечерам мы собирались то у нее, то у меня, пили какао и смотрели кино. По выходным мы уезжали на пикники, катались на аттракционах или ходили в скейтпарк. Эмма научила меня держать на этой штуковине баланс, и после десятка синяков я неплохо катала. Было здорово.

В школе нас сторонились, но больше Эмму. Ее дерзкий прикид и грозный взгляд могли отпугнуть кого угодно. Было весело ровно до той поры, когда Эмма сообщила, что Рейчел (так звали ее маму) решила переехать. Рейчел была коуч-тренером, и, когда заканчивался контракт с компанией, она переезжала в другой город. Отец Эммы часто был в командировках и редко бывал дома. Но перед возвращением в штаты он уточнял у Рейчел, по какому адресу они сейчас живут.

Для меня это было ударом. Я говорила, что хотела стать киллером? По Эмме я действительно скучала. Какое-то время спустя мы переписывались, но потом общение угасло. И сейчас, глядя на подругу, я не верила своим глазам.

– Ты сейчас в какие края? – спросила я, еще не отойдя от воспоминаний о школьных днях.

– Я в Брук-Эйдж. Хочу заделаться скульптором.

Мои глаза округлились.

– Я же не могу всю жизнь следовать за Рейчел. Тем более, что школу я каким-то чудом закончила. А ты куда?

– Не верю своим ушам!

И тут поезд тронулся. Я посмотрела в окно и увидела своих родных. Они стояли и махали мне, но уже без Ника. Похоже, брат устал пинать камешки. Я улыбнулась, и в мгновенье картинки за окном стали меняться. Что-то кольнуло в груди. Но голос Эммы заставил вернуться в реальность.

– Я-я… тоже в Брук-Эйдж. Буду рисовать.

– Ого! В тебе пробудилась чувственная натура? – подруга засмеялась, а я вместе с ней.

– Посмотрим. Может, через год-другой я передумаю.

Пустое место рядом принадлежало Эмме, так что мы трещали без остановки и не заметили, когда поезд прибыл в Рейджин. Поймав такси, мы через полчаса оказались у ворот Брук-Эйджа.

Мы стояли перед внушительным зданием в классическом стиле, возраст которого явно исчислялся сотнями лет. Где-то потрескалась штукатурка, вдоль сточных труб тянулась плесень. Возникла надежда, что здание отапливается. Так мы и стояли с невозмутимыми лицами, а когда посмотрели друг на друга, прыснули от смеха.

Ну чем не маньяк?

– Эй, Нат! А твой саквояж чем-то напоминает древность этого монумента! – усмехнулась Эмм и перевела взгляд с моего симпатичного чемоданчика на здание.

Я вздернула бровь. Эмма не изменилась со временем и, похоже, нервничала, как и я.

Мы прошли через массивные ворота и вошли внутрь главного здания. Удивительно, но здесь не было ни единой души. Холл находился в полумраке. Нескольких десятков свечей было недостаточно, чтобы осветить огромное пространство. Мы уставились на потолок и раскрыли рты. Мать моя женщина! На потолке была точная копия Сикстинской капеллы. Уму непостижимо повторить эту вершину Ренессанса! Поражающий воображение сводчатый потолок опирался на белоснежные колонны, а пол был выполнен из графитового мрамора и словно растекался под ногами, отражая поверхность, создавая мистическое ощущение.

– Кх-кхмм… – слева послышалось утробное кряхтение, и мы с трудом вернули головы в привычное положение. – Заблудились?

Секунду мы никого не видели, будто с нами говорил дух этого места, но потом к нам из темного угла медленно прошаркал старик в потрепанной и местами мятой одежде.

– Я спрашиваю: вы что, заблудились? – грозно прокряхтел мужчина.

– Мы первокурсники, – дрожащим голосом сказала Эмма.

– А, первокурсники. Конечно! Иначе вы бы знали, что двери для студентов откроются только завтра, – незнакомец подошел к нам впритык.

Вблизи стало отчетливо видна россыпь старческих морщин, помутневшие от времени глаза и пальцы, покрытые трещинами.

– Как завтра? – спросила Эмма. – В буклете написано «двери Брук-Эйджа открываются двадцать пятого августа»!

Старик молча попросил буклет. Эмма порылась в сумочке и протянула его, а незнакомец задумался.

– Должно быть, опечатка. А когда вы получили приглашение?

– Еще в конце мая, – протянула Эмма, а мне показалось, что речь идет к тому, что университет уже не работает и нас приняли по ошибке, и теперь не найти нам здесь светоча знаний.

– Хмм… Ну конечно! Конечно! Об этом же говорили. Даты перепутали, и всем первокурсникам на-а… как ее… – незнакомец стал чесать свою шевелюру, пытаясь вспомнить слово. – А, точно! На электронную почту пришло сообщение, что двери откроются на день позже.

– Но ничего такого не приходило… – Эмма достала телефон и зашла в почту, бубня что-то под нос. – Сообщение попало в спам, поэтому я ничего не видела. Так. Ладно, но в общежитие-то мы можем попасть?

– А вот тут-то и кроется загвоздка, юная леди.

– Но что же нам делать?

– Так в городе есть полно приличных гостиниц.

– Так ведь ночь на дворе. Неужели нет места в этом огромном домище? – сказала я и с досадой поняла, что ляпнула.

– Домище?! Это старинный университет с огромной историей! – с укоризной сказал старик и призадумался.

Мы уже развернулись и пошли на выход.

– Оставайтесь у меня в сарае, но не бесплатно, конечно!

Мы испуганно переглянулись с Эммой и что только себе не представили.

– Никаких пошлостей, юные леди! Я пущу вас в сарай, но вы должны мне будете. Все в рамках разумного, конечно, – и мы снова вернулись к тем самым мыслям. Старик выдохнул и добавил: – Ну там газон подстричь, листву убрать. Я ж немолод, спина почти не гнется.

Мы одновременно выдохнули.

– Меня зовут Эймс Норрис. Я местный смотритель.

Мы представились и пошли на улицу за смотрителем.

Нас привели в неприметную лачугу, которая находилась в лесу за зданием университета. Когда мы разложились на одном матрасе, который нам предоставил Эймс Норрис, я подошла к окну и посмотрела на университет. В небе светила яркая луна, и деревья отбрасывали мрачные тени на здание. На миг я представила себя в заброшенном сарае и что сейчас из леса выбегут монстры, от которых надо спасаться.

Как будто в ответ на мои мысли я услышала отчетливый скрежет снаружи. Обернулась, – подруга сопела. Кругом мрак, только луна пробивалась в окно и скудно освещала пространство.

«Отлично. Значит, с монстром я один на один». – подумала я.

Скрежет прекратился. Я уже выдохнула, как звук повторился, только с другой стороны, у окна, где я только что стояла. Стоп. Но в окне никого нет!

«Неужели монстры передвигаются на четвереньках?!» – «Ну а как еще!» – продолжала я диалог сама с собой.

Скрежет смолк и через мгновение появился у входной двери.

«Теперь монстр за дверью. Так, хватит. Возьми себя в руки! Ну кто еще здесь может быть?!»

Эмма бессовестно сопела, но меня успокаивала мысль, что я не одна. К скрежету добавился новый звук, но какой, было не разобрать.

Я поняла тактику врага и дождалась, когда звук прекратится. Вооружившись тапком, который валялся у чемодана, я приоткрыла дверь ровно в тот момент, когда существо перебегало к окну. Увидев исчезающий хвост, я поняла, кого так боялась. Да это же маленький котенок!

Осторожно прокравшись, я обогнула дом и подошла к окну.

В полном неведении маленький чертенок скреб коготками об обшарпанную обивку сарая. Я тихо подошла к нему и взяла на руки. Черненький, словно уголек, а левый глаз – единственный белый. Глазки гноились. Котенок мяукал и от страха выпустил коготки. Я погладила его, и пушистый в момент успокоился. Худой, голодный, вот и шастает в поисках еды. Точно! Назову его Уголек.

Я пронесла его в свое временное пристанище, взяла бутылку воды из походной сумки, ополоснула крышку и налила воды Угольку. Он жадно пил, а когда закончил, я промыла ему глаза.

К сожалению, еды у меня не было, так что пришлось ложиться спать. Я пообещала себе, что завтра что-нибудь придумаю. Уснула без задних ног и лишь во сне почувствовала Уголька, примостившегося сбоку.

Утром я проснулась от крика моей подруги:

– А-а-а! Я так Богу душу отдам, прежде чем окунусь в свободную жизнь!

Я повернула голову и увидела, как Уголек, запутавшись в одеяле, пытался выбраться наружу, чем, видимо, и напугал Эмму.

– Познакомься, это Уголек! – торжественно объявила я, когда котенок справился со своей задачей и выполз наружу.

– Ага! И где ты его откопала?

– Так пока ты спала богатырским сном. Он ведь совсем тощий, посмотри! Мне его жалко стало.

– Только не говори, что собираешься протащить его в кампус! – подруга была не в духе.

– Нет, конечно, но я кое-что придумала, не кипятись.

Финальным аккордом к настроению моей подруги добавился урчащий живот Уголька, а через десять минут и мой. Эмма покосилась на нас, а мы с Угольком сидели на матрасе с ангельским выражением лица.

Такая картина вконец добила ее, и она достала из своей сумки сэндвич, который остался у нее со вчерашнего дня. Эмма разделила сэндвич пополам, я, в свою очередь, отломила от своего щедрую половину Угольку, за что услышала довольное мурчание.

Когда с едой было покончено, мы вышли к основному корпусу. На встречу к нам шел Эймс Норрис. При свете дня он выглядел не таким пугающим. Забыв о толике страха, я подошла к смотрителю.

– Мистер Норрис, спасибо вам за гостеприимство. Доброе утро!

– Ну как сказать, – и непонятно стало, то ли утро недоброе, то ли смотритель говорил о гостеприимстве.

Мы смерились шагами, и я сжалась. Но посмотрев на Уголька, я поняла, что мне некому довериться, хотя и этому мистеру тоже не особо, но другого выбора не было, я все же произнесла:

– Мистер Норрис, вы же добрый! В общем, вот, – с этими словами я достала из куртки котенка.

– Э-э-э нет! Мне еще этого оборвыша не хватало. Он же уличный, вот и выкинь его туда, где подобрала! И как пролез сюда?! Значит, дыра в заборе. Э-эх! Вот только новой заботы не хватало.

– Но мистер Норрис! Он никаких хлопот не доставит!

– Вы уже, юные леди, их доставили: нарушили мой покой, напросились на ночлег, а теперь этот оборванец, к тому же наверняка блохастый. Я же не мать Тереза в самом деле. Нет!

И тут я поняла, что мистер Норрис, на самом деле только строит из себя сухаря. Наверняка за все время его службы находились студенты, которые пили ему кровь. Вот он и остерегается всех, а так он добрый.

– Давайте так, мистер Норрис, я буду по вечерам помогать по хозяйству, все, что скажете, а от блох я его вычищу и кормить буду. Ну пожалуйста! В общежитие меня с ним точно не пустят! – мои глаза были уже на мокром месте, и видок наверняка был тот еще.

От такого напора старик совсем растерялся и несколько секунд растерянно моргал, а потом сказал:

– Ладно. Э-эх. И хватает же мне на старости лет забот. Но смотри, если не вычешешь, выкину. А что до помощи, не откажусь, – и странновато ухмыльнулся, о чем-то задумавшись.

«Ну вот чем не маньяк?» – пронеслось в голове.

– Приходи по средам и субботам. Что скажу, то и будешь делать. И без пререканий.

– Есть, сэр! – радостно воскликнула я.

Я торжественно вручила котенка в руки мистеру Норрису, и с Эммой потопала к корпусу, которая весь наш диалог молча буравила нас взглядом. Только у корпуса оглянулась, – мистер Норрис нес котенка в сарай на вытянутых руках.

Когда мы с Эммой зашли внутрь, то сначала подумали, что попали не туда. Гомон, беспорядочные хождения, крики кураторов на первокурсников, которые ходили с вытаращенными глазами, друг о друга спотыкались и путались под ногами.

Наконец я разглядела стенды факультетов с кафедрами и кураторами. Мы с Эммой переглянулась и пошли каждая к своей: Эмма к кафедре скульптуры, а я к кафедре живописи.

Наш университет был первым в нашем округе и вторым в стране. Обгонял его только Лействидж, – он считался самым престижным. В основном там учились отпрыски богатых магнатов. Но учиться в Брук-Эйдж было непросто, хотя бы потому что существовала постоянная гонка между университетами. Здесь обучали ведущие профессора. Мой выбор пал на него по

объективным причинам: во-первых, зазнаек здесь было меньше, во-вторых, он был ближе к дому.

Я подошла к стенду. Ожидая, пока мои сокурсники разберут маршрутные листы, я разглядывала холл первого этажа. Каждый факультет имел определенный цвет. Факультет изящных искусств – голубой, биотехнологический – зеленый, почво-геологический – коричневый, экономический – красный, механико-метаматематический – серый, технологии и информационных систем – фиолетовый, социально-гуманитарных наук – желтый. Меня окликнули, я обернулась и увидела, что стойка пуста.

– Эй, мисс! Если вы не на кафедру живописи, отойдите в сторону, – высокий парень в очках и с грозным видом стоял в мантии голубого цвета.

– Я сюда. Натали Лэнг, – в походной сумке я нашла свои документы и вручила парню.

– Так-с. Да. Хорошо. Вот, держите.

Мне передали ключи от комнаты в кампусе, маршрутный лист с описанием того, где что находится, список дисциплин с номерами аудиторий и еще несколько информационных листов. В конце куратор добавил скучным голосом:

– Добро пожаловать в Брук-Эйдж. Рады вас приветствовать. Чувствуйте себя как дома, но чтите наши правила, – в конце своей речи он вручил значок нашего факультета.

С ворохом листов, значком, чемоданом и походной сумкой я двинулась к выходу, чтобы ненароком не задавили. Не найдя Эмм взглядом, я вышла на улицу и развернула маршрутный лист.

Оказывается, территория университета была огромной, можно сказать, что это мини-городок. Помимо основного здания, где проходили занятия и была столовая, здесь было мужское и женское общежития, тренировочное поле, отдельное здание для экспериментов химиков и физиков и огромный палисадник для геологов. А еще медицинский корпус, корпус для преподавательского состава и много еще каких-то зданий. Мне было все интересно, но сейчас я хотела дойти до своей комнаты.

Женское общежитие располагалось в нескольких минутах от учебного корпуса. Моя комната находилась на четвертом этаже, и лифта не было. На каждом углу висел или портрет художника, или пейзаж, но картины были подобраны со вкусом. Из-за того, что я с открытым ртом ходила и изучала картины, я не сразу нашла свою комнату, так что пришлось два раза пройти по коридорам.

Когда я открыла дверь с нужным номером, то отметила, что обстановка уютная. Предметы мебели простые, но не лишены красивых линий. Гостиная была выдержана в теплых кофейных тонах. В центре стоял стол, несколько обшарпанных стульев, книжный шкафчик и комод.

От гостиной направо и налево уходили комнаты. Я пошла направо и обнаружила спальню. Небольшая кровать, прикроватный столик, шкаф. У просторного окна стоял письменный стол и стул.

Я подошла к окну и увидела весь кампус как на ладони. Отсюда открывался потрясающий вид на старинное здание, от которого вились паутинкой тропинки, ухоженная лужайка и клумбы, а слева просматривалось тренировочное поле. Справа находилось мужское общежитие и кусочек леса. Попробовала найти глазами сарай, в котором мы ночевали, и вспоминала про Уголька. Как он там?

Я разложила свои вещи и достала информационные листки. Занятия начнутся уже завтра. А мне еще нужно получить форму, взять литературу, канцелярию, альбомы и много чего еще, судя по списку.

Взяв маршрутный лист, я вышла из комнаты и, достигнув входной двери, потянулась за дверную ручку, но дверь кто-то потянул снаружи, и в мгновение я потеряла равновесие, балансируя на одной ноге. Сначала я решила, что в этом университете все же есть потусторон-

ние силы. Но из-за двери выглянула голова девушки, обмотанная полотенцем, и внимательно смотрела на меня.

– В порядке?

– Ага, – оборонила я, поймав равновесие.

Передо мной стояла миниатюрная девушка с курносым носиком, на вид чуть старше меня. Судя по полотенцу на голове, общая ванная располагалась где-то по коридору.

– Ой, а ты, наверное, моя соседка. Меня зовут Лилит, но можно просто Лили, – протянула руку соседка.

– А меня Натали, для своих Нат, – улыбнулась я и пожала руку.

– Тебе, наверное, нужно получить гору вещей. Если что-то нужно, обращайся. Для меня это последний учебный год, могу подсказать, что и где.

– Конечно! – бросила я, уже удаляясь.

Первым делом я отправилась за формой. Для этого нужно было спуститься в подвальное помещение. Здесь было тесно от количества стеллажей и всякой всячины на них, тут и там были расставлены какие-то коробки. Я прошла мимо них и нашла стойку администратора, на которой был маленький звоночек, и я нажала на него. Неожиданно прямо из-под стойки выглянула женщина. Она смахивала на эксперта эдакого шоу «Ваша внешность еще не приговор». Внимательный взгляд вонзился в меня.

– Так, первокурсница. Размер у тебя. Хммм… Стой, не говори. Знаю. У меня наметанный глаз, – экспрессивно выдала женщина. – Не уходи, сейчас принесу.

Я и стояла, не успев и слова сказать. Мне вынесли стопку одежды. Похоже, там была не только форма.

– Ученическая форма и передник. Держи и распишись, – мне протянули список с именами студентов.

Я нашла себя и расписалась.

– Спасибо вам, мисс…

– Глория Хагерти, – представилась женщина. – Я швея. Если что подшить, подлатать, обращайся, но это не бесплатно. Нам с этого года урезали финансирование, так что… – она развела руками, как бы извиняясь.

Я посмотрела на прейскурант, лежащий на стойке, и задумалась, сколько у меня с собой денег. Их было немного, и просить родителей я не хотела. Они и так отдали мне большую часть накопленных средств. Мама в последнее время не работала, и семья держалась на зарплате отца. Значит, надо ужаться и не вляпаться куда-нибудь.

Следующим пунктом в моем списке была библиотека, она была в основном корпусе. Я вышла на улицу и увидела золотистые солнечные лучи, просеивающие облака, которые напоминали кучу взбитых сливок, разлитых по небу.

В библиотеке я в который раз поразилась обстановке. Высокие сводчатые окна пропускали дневной свет, который из-за мозаики играл разными красками. Библиотека состояла из трех ярусов. В центре находилась полукруглая информационная стойка, от которой отходили стеллажи с книгами. А еще здесь имелись уютные диванчики со столиками.

Охватить взглядом всю библиотеку было невозможно. Запах книг, похоже, впитался в стены. Я подошла к информационной стойке.

– Здравствуйте, мистер Браун! – его фамилию я прочитала на значке выцветшего костюма, который когда-то был бежевого цвета.

Вручила список литературы, и мистер Браун тут же ретировался моложавой походкой в дебри книжных полок.

Студентов тут не было. Пара преподавателей у столика что-то тихо обсуждала между собой, склонившись над грудой книг. Они были увлечены и ни на что не обращали внимания.

Я подошла к книжной полке. Мой взгляд приковали старинные собрания. Большинство книг порядком изветшали, но гордо стояли и смотрели на своих собратьев.

На глухой звук я обернулась. Мистер Браун принес необходимые книги, и их было немало.

Я подняла стопку. Один неверный шаг, и все разлетится, а еще форма, которую я взгромоздила наверх. Да уж. Сначала нужно было прийти сюда, а потом… Но ничего не поделаешь, и я пошла в сторону выхода. До общежития была всего пара минут, но какими длинными они показались сейчас.

Солнышко топило взбитые сливки, но насладиться дивным дивом я не могла и продолжила спуск по лестнице приставным шагом. Ну и кто придумал сделать так много ступенек? По гулу на улице я поняла, что студентов стало больше. Все спешили встретиться со своими однокурсниками и поделиться, как у кого прошло лето.

Главное – идти не спеша. Героически преодолев лестницу, я обрадовалась и посмотрела на небо. Пара шагов, и что-то сильное врезалось в меня. Боже! Я шмякнулась назад, и вся стопка книг вместе с формой разлетелась по лужайке.

– Простите! Вы не ушиблись? – прозвучал низкий голос рядом со мной.

Из-за слепившего солнца зрение ко мне вернулось не сразу. Я проморгалась. Вроде ничего не болит. Потихоньку встала. Отвернувшись от солнца, я всмотрелась в мужчину. Он был высокий, пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть лицо. Приятной наружности, молод, чуть старше меня. Молчание затянулось, мужчина продолжал смотреть на меня, ожидая моей реакции.

– Все в порядке. Все равно шансы дойти куда-либо с такой стопкой книг невелики, – я присела на корточки и принялась собирать книги.

– Это моя вина. Позвольте помочь, – я хотела сказать, что не стоит, но незнакомец уже подбирал учебники с лужайки.

Все смолкли, и образовалась тишина. Когда мы все собрали, я растерялась, догадавшись, что книги мне не собираются возвращать.

– Не откажите проводить вас. Ах, да! Сегодня меня, похоже, и вежливость покинула. Я не представился. Джеймс.

– Натали.

– Мне и правда неудобно, а если откажете, то неудобно будет вдвойне. Неловко получилось, а сегодня такой прекрасный день.

И вот вроде бы неудобно ему, а краснею я. Джеймс терпеливо ожидал моего ответа, а я все соображала, как отказать.

– Мне нужно в женское общежитие, вряд ли туда впустят мужчину. – сказала я, обрадовавшись, что нашла предлог для отказа.

– Поверьте, Натали, в этом нет никаких проблем, – нисколько не тушуясь, ответил Джеймс, при этом беззастенчиво наблюдая за моей реакцией.

– Ну что ж, – грустно сказала я.

Джеймс шел рядом, я смотрела прямо перед собой, благо теперь, когда обзор ничего не закрывало, можно было не бояться угрозы из ниоткуда. Через пару минут мы дошли до корпуса. На первом этаже нас встретила комендант, которую я заметила только сейчас. Строгая женщина с острыми чертами лица и зорким взглядом. Джеймс поздоровался:

– Доброго дня! Вы не возражаете? Нынче предметов становится все больше, и студентам выдают просто несусветное количество учебников.

– Добрый день! – пролепетала женщина и резко встала, удивленно моргая, словно сам министр пожаловал. – Да-да, конечно-конечно. Проходите… – потом она что-то еще сказала. Может, обратилась к нему «мистер», но, наверное, послышалось.

К концу подъема на четвертый этаж я уже запыхалась, а вот Джеймс отнюдь, будто находился на прогулке, а не нес тонну учебников.

На своем этаже я снова заплутала. Мы ходили добрых десять минут по этажу. Какое облегчение я почувствовала, когда комната нашлась. Я уж стала думать, что комната была тайной.

– Спасибо за помощь, – сказала я и озадачилась, когда поняла, что Джеймс и сейчас не собирается отдавать мне книги.

– Я буду совершенно спокоен, если донесу это добро до вашей гостиной.

Только сейчас я заметила, что он хорошо сложен. Сильные руки, широкие плечи, мощная спина. Так, а… откуда он знает про гостиную? Скорее всего, он выпускник, а расположение комнат в мужском и женском корпусе одинаково.

– Конечно, шансы на кого-то наткнуться малы, но все же, – помедлив, добавил он и посмотрел на меня с усмешкой.

Значит, намекает, что я врежусь еще во что-нибудь, в дверь, например. Ну что ж, терять нечего.

– После вас. Проходите, – резко ответила я, и, открыв дверь, вспомнила, что живу не одна.

Но было поздно, Джеймс проскочил вперед.

Стоп. Мне показалось или я заметила ухмылку? Сто процентов маньяк.

И вот, в университете я всего ничего, а двух добрых людей, которые протянули руку помощи, я наградила нелестными словами. От этой мысли настроение испортилось, и я ощутила укол вины.

Из гостиной донесся голос:

– Нат, ты что-то быстро. Ой! Мистер Клейн, здравствуйте. Не ожидала вас здесь увидеть.

«Черт! Пустая моя голова!»

– Добрый день. Всему и всегда есть объяснение. Ну, а теперь мне действительно пора, – положив учебники на стол, Джеймс склонил голову в знак прощания и размеренным шагом направился на выход.

– Спасибо, – сказала я растерянно.

Оставшиеся книги я положила на стол и внутренне пыталась отмахнуться от чувства вины, но оно не хотело со мной прощаться. То, что Лили молчала, заставило меня поднять на нее глаза.

– Да, Нат, ты даешь. Ты и дня здесь не проучилась, а тебя уже сам декан проводил. Это достойно уважения! Снимаю шляпу! – усмехнувшись, сказала она и жестом «сняла шляпу». – На моей памяти еще не было такого прецедента, – задумчиво продолжила она.

Я смотрела на нее с открытым ртом.

– Кто меня проводил?

– Декан факультета социально-гуманитарных наук и по совместительству профессор на кафедре права, Джеймс Клейн. Плюс он самый молодой из профессорского состава, – просветили меня.

– Да-а, дела, – протянула я и села на стул, точнее, плюхнулась, и тут же недавнее падение на пятую точку дало о себе знать. Я резко встала.

– Ну и что такого? Тут сколько студенток. Так что этот декан скоро забудет, если уже не забыл про это недоразумение, – «Наверняка», – подумала я и улыбнулась своему доводу.

– Возможно. Хотя… – Лили задумалась, – Мистер Клейн, насколько я знаю, никого никуда не провожал. Его здесь все знают. Он пришел еще студентом, здесь защитил докторскую и теперь преподает.

За окном начинало темнеть, а я еще не получила канцелярские принадлежности и альбомы. День пролетел незаметно. Я оставила форму и засеменила к выходу.

– Нат! – окликнула меня Лили. – Ты как разделаешься с делами, давай попьем чай? Моя мама передала самые вкусные пирожные в мире! – от последнего аргумента у меня потекли слюни.

Сейчас я, кстати, заметила, что Лили пепельная блондинка.

– С удовольствием. Скоро вернусь!

Канцелярию я нашла быстро. Она находилась в основном корпусе. Мне выдали кучу разных красок, кистей с разным ворсом, карандаши разной твердости, всевозможные альбомные тетради, линейки, губки, и это был не конец списка.

Вернулась я на этот раз без происшествий и внутренне обрадовалась, что ни во что не вляпалась.

Я бережно разложила альбомы на письменном столе. Еще какое-то время разбирала свои вещи и когда закончила, постучалась в комнату Лили. Услышав «минутку!», я села за стол в гостиной и размышляла, что еще я не успела сделать.

Соседка вышла ровно через минуту. С собой она несла несколько тарелок с пирожными. И тут я вспомнила, что сегодня я почти ничего не ела. Не дождавшись чая, я схватила одно пирожное и отправила в рот. Изумительно. Мама Лилит смело могла соперничать с Розой в искусстве выпечки. Лили, улыбаясь, разлила чай и села напротив.

– Ну и? Как получилось, что мистер Клейн провожал тебя до комнаты, еще и таща на своем горбу твои учебники?

Ой, нет. Только не это. Но, с другой стороны, она ведь давно здесь учится и может о нем что-то знать.

Я коротко рассказала, как Джеймс меня снес с пути, а потом помог дойти до общежития. Остальные подробности я опустила.

– То есть любовь с первого взгляда? – мечтательно спросила соседка.

Мое выражение лица было не таким радостным, и потому она пояснила.

– Понимаешь, Нат. Мистер Клейн – это человек, которого сторонятся. Несмотря на то, что он довольно молод, он декан. Это о чем-то говорит. Он строгий преподаватель. Провалить зачеты ему боятся многие, как и остаться на отработке. Год назад мистер Клейн взял одного студента, не сдавшего зачет, в полицейский участок на допрос. Тот потом ходил призраком несколько суток.

– Ну и что тут такого?

– Допрашивали серийного убийцу. Методы допроса, по словам студента, были неординарны. Ряд профессоров сочли это жестокой методикой, и теперь многие обходят его за милю.

Да уж… А я еще так резко отреагировала на его слова. Надо быть поосторожнее. Радует, что он не преподает на моем курсе.

– Ну раз он оказал тебе такой жест, тебе бояться нечего, – захихикала Лили.

– Давай проедем. Расскажи мне лучше о себе, – попросила я, а то эта тема уже порядком надоела.

Лили рассказала, что она так же, как и я, из простой семьи. У нее есть старший брат, который, как выяснилось, выпустился в прошлом году. Мама – бухгалтер в юридической конторе, а отец механик. Родители не могли себе представить, что их единственная дочь захочет связать свою жизнь с картинами. И понятно почему. Наша профессия неплоха, но заработать она не давала, по крайней мере приличных денег.

Выпускники Брук-Эйджа передают свои работы на аукцион, но, чтобы туда попасть, нужно постараться. Заурядные работы не принимают, и студенты, по сути, по окончании университета оказываются предоставлены сами себе. Но если ты сможешь покорить преподавателей, тогда, возможно, тебя заметят и купят твою работу. Совсем повезет, если галерея заключит с тобой контракт. На последних словах Лили я вспомнила, как школьный учитель ругал технику моего рисунка.

Мы долго говорили, но в какой-то момент глаза стали слипаться, и мы разошлись.

Было далеко за полночь, а мне еще нужно найти душ. Взяв ванные принадлежности, я поплелась на поиски душевой. Через пару кругов я нашла эту заветную комнату и, быстро умывшись, отправилась на боковую.

Только моя голова коснулась подушки, я услышала жужжание. Точно! У меня же есть телефон! Я вскочила с кровати и стала откапывать в сумке мобильник. От родителей была целая куча пропущенных. А я ведь обещала позвонить или хотя бы написать.

«Мам, пап, со мной все хорошо. Завтра первые занятия. После наберу. Целую».

Поставив телефон на зарядку, я легла в кровать. Все мысли улетучились, и я забылась сном.

Здравствуй, Брук-Эйдж

Утром меня разбудила Лили. Я спала мертвецким сном и, если бы не она, проспала бы все на свете.

Сегодня перед студентами выступит ректор Брук-Эйджа Эллиот Бейкер. Мне его имя было известно благодаря опубликованным исследованиям в области философии. Даже в школе мы его изучали.

Встав с постели, я быстро умылась, а потом пыталась решить, что надеть. Мне выдали комплекты формы, которая состояла из нескольких пар юбок разной длины, чулок, пиджака и джемпера. Был даже шерстяной комплект, рассчитанный на зиму. Вся форма была моего любимого светло-бирюзового цвета. Выглядело красиво.

Я высунулась из комнаты, Лили была почти готова и стояла перед зеркалом, наводя последние штрихи.

– Соня, сбор через пять минут, а ты еще не одета.

Впопыхах я натянула чулки, юбку чуть выше колена, свою единственную белую блузку, а сверху накинула пиджак. Мельком глянула на себя в зеркало. Волосы русые с шоколадным оттенком лежали каскадом, медовые глаза с крапинками зелены смотрели растерянно. Кивнув своему отражению, я опрометью кинулась вниз, догоняя Лили на улице.

Огромный стадион находился поодаль от основных корпусов. Студенты стояли шеренгами в десятки рядов, и я заметила, что у всех были приколоты значки своих факультетов на форме. В первом ряду стояли деканы и профессора, и тут я увидела Джеймса, то есть мистера Клейна.

Декан был одет в костюм янтарного цвета, в тон его факультета, а из кармана тройки выглядывали часы на цепочке. Он был собран, но, когда меня увидел, еле заметно улыбнулся. Перед моими глазами тут же возник вчерашний день, и вспомнилось наше знакомство, отчего стало неловко, но благо зрительный контакт скоро прекратился, и я нашла свой факультет. До него было метров пятнадцать.

Эмма стояла сразу после профессоров. Ее окружали студенты, которым она что-то рассказывала, а они звонко смеялись, так что преподаватели искоса на нее поглядывали. Все ждали только ректора.

Мы ускорили шаг, я подошла к Эмме, а Лили стала протискиваться вглубь к своим. Первокурсники стояли впереди, за нами второкурсники и так далее.

Неожиданно разговоры смолкли, и за доли секунд образовалась тишина. На трибуну взошел ректор. Как по команде собравшиеся встали в четкие шеренги. Спасибо разметке на поле.

– Рад приветствовать вас, мои дорогие! – раздался голос Эллиота Бейкера.

Это был почтенного возраста мужчина, а очки на переносице с глубокими линзами говорили о том, что наука – его вторая натура.

– Каждый год сюда приходят юные дарования, и в то же время я вынужден с вами прощаться. Это всякий раз и радостно и печально. Но такова наша жизнь. Для меня большая честь быть рядом с вами. Но сегодня я хочу официально сообщить, что это последний мой год в качестве вашего наставника, если позволите.

Волна шепотков прошлась по рядам студентов.

– В конце учебного года ученый совет и аттестационная комиссия выберут нового ректора. Я был бы рад знать, что и после меня сохранится базовый постулат этого места: мудрость от старших к младшим во имя открытия новых истин для будущих поколений. Я хотел бы сложить полномочия с чувством выполненного долга. Хорошего года, мои дорогие! И пусть

солнце освещает вам дорогу, – Эллиот Бейкер закончил свою речь и начал медленно спускаться с трибуны.

Тут и там слышались возгласы: «Не может быть! Почему так внезапно?» Но были и те, кто высказывал другое мнение: «…мой отец работает в министерстве просвещения, и там говорят…», «Значит, слухи правдивы…» Однако для большинства это стало полной неожиданностью. Бейкера действительно любят и уважают.

У нас было еще примерно двадцать минут до начала лекции, и я подошла к Эмме.

– Н-да-а. Похоже, грядут перемены. О! Нат, иди сюда. Знакомься, это Питер Прайс. Он изучает ювелирное дело.

Блондин по правую руку от Эмм протянул руку. Он был эдаким светилом знаний и держался степенно.

– Привет, рад знакомству.

– Привет. Натали, – и я в ответ пожала руку.

– А это Томас Росс, он, кстати, тоже, как и ты, будущий Ван Гог, ну или хотя бы да Винчи! – буднично представила парня Эмма.

У Тома была огненно-рыжая кудрявая шевелюра, спускавшаяся до плеч. Глаза зеленого цвета с крапинками орехового оттенка. А в ухе торчала серьга. Такая внешность для многих могла показаться броской, но мне понравилось. А еще в его взгляде и манере держаться было что-то такое, отчего казалось, что Том – неисправимый весельчак.

Мы пожали друг другу руки.

– Так, а это Памела Олсон, и она будет учиться со мной, – продолжала Эмма.

У Памелы была внешность, с которой она могла играть в кино любую роль. Я улыбнулась ей.

– Можно просто Пэм! Да, кстати. Сегодня предлагаю немного развлечься и познакомиться поближе! Приходи, будет весело! Выпьем, поболтаем, расслабимся. А то я чувствую, год будет нелегким, – скороговоркой выдала Пэм.

Я засмеялась и ответила:

– Ну что ж! Как я могу отказаться от такого заманчивого предложения!

– А я Дэвид, но все меня зовут Дэйв, – представился приземистый крупный парень с низким и глухим голосом.

Плечи Дэйва были огромны, его можно было сравнить разве что с титаном из древнегреческих мифов. Похоже, он вообще не расстается с гирями. На шее красовались татуировки. Интересно, на каком он курсе?

– Натали, – щеки начинали неметь от такого количества улыбок.

– Я понял, – неожиданно сказал Дэйв, немного смущаясь.

Я еще шире улыбнулась, насколько это было возможно, и услышала смешки. Да уж. Пестренькая компания.

– Ну что, предлагаю всем разойтись, а то все пропустим. Вдруг кто-то еще сложит полномочия, а мы не узнаем! – сказала Эмма.

Питер смутился, Пэм и Том усмехнулись, а Дэйв стоял с потупленным взглядом.

– Ладно-ладно. Это была шутка. Вы просто не привыкли к моему юмору, – усмехнулась Эмма. – Встречаемся за ланчем.

Мы разошлись. Пэм с Эммой, а я с Томом. Через пару шагов я поняла, что Дэйв идет за нами.

– Дэйв, ты что, тоже рисуешь? – спросила я.

– Вообще, я на кафедре философских наук, – ответил Дэйв.

– Что-о? То есть, прости. Просто по тебе не скажешь, что ты увлекаешься такой дисциплиной.

– А что, больше похоже, что я из качалки не выхожу? – пробасил Дэйв.

– Именно так все и думают! – вклинился Том и засмеялся.

– Погоди, но твоя форма должна быть желтой!

– На мне закончились цвета. Сказали, потом выдадут новую форму, – опечаленно ответил Дэйв.

– Это если не решат, что ты далеко не философ, – заметил Том.

– Все субъективно, – спокойно ответил Дэйв.

Мы с Томом переглянулись. Что-то мне подсказывало, что с того момента, когда я переступила порог этого учебного заведения, моя жизнь изменилась.

Мы с Томом нашли лекторскую. Скамейки с партами возвышались несколькими ярусами в форме полукруга. Ребята расползлись по рядам, а я заняла место у края с противоположной стороны рядом с большими окнами. Том приземлился рядом.

Первой лекцией у нас была история искусства и культуры. Помимо преподавательского стола, стула, кафедры и доски на стене, тут и там стояли различные предметы быта разных эпох, орудия труда, глиняные этюды наших предков об охоте, здесь были даже музыкальные инструменты. Я крутила головой, пока не открылась дверь и не вошла преподаватель. Она была одета с иголочки и выглядела скорее как модный критик, чем профессор. Она обвела нас взглядом, и наступила тишина.

– Всех приветствую. Меня зовут Софи Тьери. Я буду вести у вас несколько предметов: историю искусства и искусствоведение, – она встала за кафедру.

Говорила она медленно и с явным французским акцентом.

– Итак, – обратилась она к аудитории, – кто может назвать предположительно первый предмет, созданный человеком?

Вот чего-чего, а такого я не знала.

– Костяное долото? – предположил кто-то с первого ряда.

– Нет. Еще варианты?

– Скребло? – попытался еще один студент.

– Тоже неверно. Но первым орудием считается всего-навсего деревянная палка. Вы были близки, когда назвали костяное долото и скребло. Костяная ретушь стала более прогрессивным инструментом для изготовления каменных орудий, таких как острые ножи, скребки, пилы, резцы и сверла. Благодаря ретушеру человек смог обрабатывать кремень.

Как вы понимаете, все эти предметы напрямую не связаны с искусством в современном понимании. Но Человек так устроен, что, пока не удовлетворит основные потребности, не обратится к эстетическим нуждам. Все эти предметы можно отнести к искусству лишь в ретроспективе первых орудий, созданных человеком для охоты. Человеку нужно быть сытым и чувствовать себя в безопасности – именно поэтому палка стала первым предметом, созданным руками человека. Однако стремление к красоте всегда было присуще человеку, поэтому оружие старались сделать красивым, и сегодня многие мастера соревнуются друг с другом в этом ремесле.

Как говорят, сейчас – самое безопасное время. Прогресс в медицине, границы государств, отсутствие необходимости в собирательстве и охоте подняли человека на новый уровень, и, помимо базовых потребностей, людям нужна эстетика. На моем курсе мы поговорим об истории искусства и о том, как оно повлияло на нас с вами.

Я завороженно слушала лекцию. Софи Тьери была хорошим оратором. Я поняла, что на ее занятия я буду ходить с удовольствием.

Незаметно занятие подошло к концу, и нам дали задание рассказать о своем любимом произведении искусства.

– Ну что, на ланч? – спросила я у Тома.

– Я голоден как зверь. Пошли скорее, – ответил Том.

В просторной столовой аппетитные ароматы ударили в нос, и у меня тут же потекли слюнки. Столики стояли по всему периметру, и студенты кустились группками. Я набрала еды на поднос и пыталась сообразить, куда сесть, и тут увидела, что нам машут ребята.

Я направилась к ним, а Том, в свою очередь, все еще решал, чем еще ему набить живот. Пройдя пару столиков, я на что-то наткнулась и полетела вместе с подносом на пол. Дыхание выбило из легких. Не успев прийти в себя, я услышала громкий гогот.

– Как неловко получилось! Смотреть под ноги надо! Ой, а где же твой принц? – спросил ехидный женский голос.

Что? Какой еще принц?

Я села на пятую точку и посмотрела на обидчицу. Это была красноволосая, длинноногая девушка в желтой форме. Значит, либо историк, либо политолог, либо учится на кафедре права. Она была красивой, но такую внешность чаще называют стервозной. Ее ухмылка не сползала с лица, и всем своим видом она показывала ребятам, сидящим за ее столом, как круто она пошутила.

Ярость буквально вспенилась во мне. Я все еще сидела на полу и почувствовала, что мои локти горят.

– Кэйл, так не знакомятся с друзьями, – сказал парень, чья внешность могла бы украсить обложку спортивного журнала.

– С друзьями нет, но первогодок надо ставить на место сразу, – смеясь, бравировала она.

– Тебя в детстве что, часто били? – выпалила я.

– Ничего себе! Тебе, похоже, забыли укоротить язык, мышка?

– Может, и так, зато серым веществом не обделили.

Я встала и сделала шаг. Боковым зрением я увидела, что Эмма уже рядом, но помимо нее позади меня стоял кто-то еще. Всех парализовало. Смех умолк.

– Что здесь происходит? – прозвучал знакомый бас.

Кажется, я предполагала, кому конкретно этот голос принадлежит. Повернулась. Так и есть. Мистер Клейн стоял в пяти шагах от меня. Он был спокойным и сосредоточенным.

– Все нормально, – ответила я. – Просто поскользнулась. Случайно.

– А вот вранья я не люблю. Мисс Лэнг, мисс Бернем ко мне в кабинет через пятнадцать минут, – тон голоса возражений не терпел.

Я поплелась в сторону умывальников у выхода столовой. Нужно было освежиться. Умывшись холодной водой, я вернулась к столику с ребятами. Все были за столом, кроме Пэм. Пока я возвращалась к столику, студенты провожали меня взглядом, перешептываясь и посмеиваясь. И на меня нахлынул стыд. Я ведь ничего не сделала! За что подножка? И о каком принце она… До меня начало доходить. Неужели она про… Джеймса Клейна? Значит, она была вчера на лужайке и видела, как меня провожает декан.

– Ты как? – выдернув меня из мыслей, спросила Эмма и озабоченно посмотрела на меня.

– Вроде цела, – сморщившись от боли, я села за стол.

– Ты это… Вот, держи. Эта мазь помогает при ушибах, – сказал Дэйв и протянул баночку.

– Спасибо, Дэйв.

– Это так, мелочи, – покраснел Дэйв.

Эмма переживала и совала мне яблоко, но есть уже не хотелось.

Больше всего на свете мне хотелось в душ и в кровать, чтобы забыться сном, и без всяких разговоров с мистером Клейном из-за его ненормальных фанаток. Но сбежать я не рискнула. Я бы предпочла разговор с убийцами и маньяками допросу Джеймса.

Табличка на двери еще раз подтвердила, что Джеймс – декан факультета социально-гуманитарных наук. В приемной секретарь сидела за столом и что-то печатала. Обратив на меня внимание, она сказала, что меня ожидают.

Я постучалась, но никто не ответил, и я легонько толкнула дверь. Кабинет был обставлен роскошно, но в то же время сдержанно. Открытые книжные шкафы тянулись вдоль всей стены. Длинный стол из темного кедра, два маленьких дивана, между которыми стоял кофейный столик. Был еще один стол, по всей видимости, рабочий, где лежала груда бумаг.

– Мисс Лэнг, – декан появился из глубины шкафа, и я чуть не подпрыгнула на месте. – Вы, похоже, часто падаете. Как минимум раз в день.

– Первый раз причиной были вы.

Я это только что сказала вслух?

– Отрицать не могу. Еще раз прошу меня извинить, – спокойно сказал декан.

– Все в порядке, – ответила я, пытаясь держать себя в руках.

Джеймс Клейн сел за стол с бумагами.

– Что на самом деле произошло в столовой?

– Я говорила, что поскользнулась. Наверное, пол был мокрый.

– Мисс Лэнг, я уже говорил, что не терплю вранья, – жестко отчеканил Джеймс Клейн.

– Мистер Клейн… – начала я, но секретарь по громкой связи оповестила, что подошла Кэйли Бернем.

Дверь открылась, послышался стук каблучков.

– Мисс Бернем, мне очень хочется услышать вашу версию событий.

Мысленно я представила себя на суде по первому в мире случаю о подножке в столовой университета и улыбнулась. Моя улыбка не скрылась от мистера Клейна, и я не нашла ничего лучше, как увлеченно начать разглядывать заваленный бумагами стол рядом со мной.

– Мистер Клейн, все вышло случайно, – пролепетала Кэйли. – Я закончила обед и собиралась встать в тот самый момент, когда она проходила мимо меня. Вот она и упала. Случайно.

– То есть все-таки пол был сухой, мисс Лэнг? – бровь декана взлетела вверх.

– Мистер Клейн, я несла перед собой поднос и не видела, что было внизу. Это просто предположение.

– Мисс Бернем, вы свободны. У моего секретаря возьмете задание в качестве отработки.

– Но я же не виновата!

– Если вы скажете еще слово, я отстраню вас от занятий. Вам все ясно? – сталь в его голосе заставила девушку сжаться.

– Да, мистер Клейн, – сдавленным голосом ответила Кэйли. В ту же секунду раздался звук ее быстрых удаляющихся шагов.

Декан выглядел спокойно, но пульсирующая вена на виске выдавала его гнев. Он опустил голову в груду бумаг, и мне показалось, что он забыл, что я еще здесь. Я вновь почувствовала себя не в своей тарелке.

– Я могу идти, мистер Клейн? – он резко поднял голову и посмотрел на меня, замерев на долю секунды. Я невольно вздрогнула.

– На будущее, мисс Лэнг: еще раз соврете, и вам придется отрабатывать.

Что? Мне хватит мистера Норриса. Черт! Мистер Норрис! Как там мой Уголек? Я ведь обещала его кормить. Мистер Клейн смотрел на меня, наблюдая за моим выражением лица.

– Идите. Сдается мне, вы опаздываете.

– Спасибо! – сказала я пулей и вылетела из кабинета.

В коридорах никого не было, – я опоздала на занятие. Просто прекрасное начало первого учебного дня! Сейчас по расписанию значилось черчение. Занятие было общим для всего потока. Постучав в аудиторию, я открыла дверь и остановилась. Преподаватель уже активно объяснял материал и выводил на доске чертеж. Он бросил на меня взгляд и продолжил. Видимо, дал зеленый свет. Том, Эмма и Пэм сидели на верхних рядах. Рядом с ними с краю пустовало место. Я быстро поднялась и заняла его.

Профессор договорил и обернулся к нам. Вид у него был строгий. Его имя было написано на доске – Ховард Хэмилтон. Два метра роста. Мелкие черты лица, губы сложены в жесткую линию. Одна бровь была рассечена, и шрам переходил на щеку, отчего его вид вызывал дрожь.

– Вы должны знать о некоторых правилах у меня на занятиях. Во-первых, опоздания не допускаются. Если вы считаете, что можете быть вольными слушателями, можете не приходить, я разрешаю, но вам крайне трудно будет сдать зачет. Во-вторых, все мои задания должны выполняться вовремя. В-третьих, на моих лекциях говорю я, и, если я спрашиваю, вы отвечаете, – голос был ядовитым. – Мисс, что сейчас опоздала, встаньте, – я послушно встала. – Потрудитесь объяснить, какие силы не позволили вам прийти вовремя?

– Меня вызывал мистер Клейн, – ответила я.

– Что ж, я с ним обсужу этот момент. Садитесь, будем считать это последним исключением.

Мне не нужно было смотреться в зеркало, чтобы понять, какого я сейчас цвета. Теперь, похоже, я бельмо на глазу не у одного человека. Дэйв тронул меня за локоть и подмигнул, мол, не переживай.

Я достала тетрадь и принялась перечерчивать нарисованное на доске. Всю лекцию я постоянно пыталась нагнать профессора. Но этот предмет мне не давался. Придется заниматься дополнительно. Домашним заданием было нарисовать здание по правилу золотого сечения.

Когда начался перерыв, все студенты бегом покинули лекторскую, на ходу собирая свои вещи. Мы с ребятами вышли на широкую террасу на первом этаже. Мой живот урчал. Эмм протянула яблоко и, пока я жевала, нетерпеливо спросила, что было у Клейна. И я рассказала, что Кэйли будет отрабатывать задание.

– Значит, эта стерва получит свое, – радостно сказала Пэм.

– Все, этот мистер Клейн у меня теперь в любимчиках, – поддержала Эмми.

– Ребят, хватит, – заныла я. – Проехали.

– Поддерживаю. Дайте дожить до следующего дня хотя бы, – сказал Питер. Он стоял в стороне и пытался читать книгу. Но какое там.

– Жаль-жаль. А я бы посмотрел на то, как красавчик Джеймс спасает нашу принцессу от цепких лап злодейки, – веселился Том. Я посмотрела на него с прищуром. – Да шучу я, шучу.

Я направилась дамскую комнату, чтобы хотя бы пару минут не находиться под пристальными взглядами ребят. К такому вниманию я не привыкла. Найдя нужную дверь, я просочилась мимо студенток, подошла к раковине и умылась.

– Все хорошо. Все хорошо, – мысленно повторяла я.

Я посмотрела на часы. Через две минуты начиналось следующее занятие. Не хотелось бы снова опоздать. Я направилась на выход и уже в дверях услышала:

– У кого-то нервишки шалят? Это нормально. Думаешь, что раз Клейн тебя защитил, тебе теперь все можно?

– У тебя других развлечений, что ли, нет?

– Я бы на твоем месте смотрела под ноги впредь, полы могут быть и правда мокрыми, мышка.

– Ты знаешь, мне тебя жаль, – сказала я и вышла. Только успела заметить, что эта заноза опешила, не зная, что ответить.

По коридору я бежала и обрадовалась, когда увидела, что студенты еще только заходят внутрь. В аудитории стояли мольберты. Запах красок, запах творчества. Огромные окна давали много света. Я заняла мольберт у окна. Томас выбрал место рядом со мной. Заметив мое выражение лица, Том замер и спросил, все ли у меня в порядке. Его бровь игриво приподнялась, но взгляд был внимательным. А солнечный свет залил его кудряшки, отчего он стал похож на львенка из мультика.

– Все нормально, – сухо ответила я.

Слава Богу, в аудиторию зашел профессор, и мне не пришлось дальше выкручиваться. Это был невысокий, коренастый мужчина. У него было полное лицо, маленькие глазки и губы, высокий лоб и редкие выцветшие волосы, торчащие антенной.

– Ну что, мои юные художники! – бодро начал он. – Меня зовут Оливер Хейни. Я буду наставлять вас в искусстве живописи. Вижу-вижу, что вам не терпится начать. Но всему свое время. Начнем с малого. Я хочу посмотреть, на что вы способны, ведь у каждого должен быть свой неповторимый стиль. Поэтому сейчас я попрошу вас нарисовать меня.

Мы удивленно вытаращились на профессора.

– Ох! Не стоит стесняться. Поверьте, вы не первый мой курс. Я всего лишь хочу понять, кому и как можно помочь! – мечтательно заключил мистер Хейни.

Я посмотрела на мольберт и взяла карандаш. Я возилась над портретом и от натуги высунула язык, стараясь вывести нужные линии. Но то, что у меня выходило, мне не нравилось. Рисунок никуда не годился. Единственное – глаза: они получились озорными и добрыми. Когда я осматривала рисунок, подошел мистер Хейни.

– Так, моя дорогая, техника страдает, но я вижу, что ты неплохо передаешь характер. Скажи мне, какой стиль в живописи тебе близок?

Я задумалась и ответила:

– Близок импрессионизм. Но он настолько труден, что я даже и не думала браться за него.

– Но вы ведь не узнаете, пока не попробуете! Прошу, начните, а потом посмотрим, к чему тяготеете.

Я любила импрессионистов и знала, что добиться мастерства в этом направлении – каторжный труд. Один неверный мазок, и можно выбрасывать полотно. Часто у художников это становилось причиной депрессий и запоев. Я выдохнула и набрала воздух в легкие. Ну что ж, попробуем. Но, к сожалению, пока я примерялась к мольберту, занятие быстро закончилось. Нарисовать я успела только глаза.

Профессор заканчивал обходить студентов. Забрать работы для доработки мы не могли. Они должны были остаться здесь. Я посмотрела на Тома. Он рисовал акварелью, и у него выходила карикатура мистера Хейни. Боже! Надеюсь, профессор не увидит. Я уставилась на Тома в немом вопросе.

– А что? По-моему, вполне получилось!

Я закатила глаза. Да уж! Его талант обескураживал. На мольберте красовался мужчина с еле заметными глазами, огромным лбом, маленькими губами, а волосы были похожи на ядерный взрыв.

Том довольно окинул взглядом свое творение и с чувством полного достоинства стал собираться. Видимо, он снова успел проголодаться и поспешил в столовую. Я пошла вместе с ним, но с ребятами не осталась, сославшись на то, что не выспалась. Я взяла суп, салат, стакан молока, кусочек рыбы и отправилась к себе в комнату.

Быстро съев свой обед, я решила, что пора наведаться к мистеру Норрису. Но прежде нужно было пришить значок. С иголкой я провозилась недолго, и, взяв стакан молока с кусочком рыбы для Уголька, я вышла.

Обогнув основной корпус, я подошла к домику мистера Норриса. Постучалась, но ответа не последовало.

– Лэнг, вы наконец вспомнили про своего питомца? – спросил старческий голос сзади.

Я обернулась. Мистер Норрис выходил из леса. С собой он нес несколько набитых пакетов.

– Мистер Норрис, добрый день. Простите. Я слегка замоталась.

– Дело молодое. Это понятно. Было время, и я не замечал, как оно пролетает, – задумчиво произнес он.

– Как там Уголек?

– От блох пришлось вычесать самому, так как не знал, когда вы соизволите прийти, – с укором произнес он, подходя к двери. – Я уж хотел выпустить его в лес, но, к счастью, вашему или этого оборвыша, ночью он поймал мышь, которая прогрызла пол в моем доме. Так что я решил его оставить. Можете его навестить, – повернув ключ в замке, мистер Норрис пропустил меня внутрь.

Домик был захламленным, возникло ощущение, что сарай, где мы с Эмм провели первую ночь, был намного чище. Здесь было всего две комнаты. Одна была кухней, гостиной и хранилищем для различного инвентаря, а вторая спальней.

Уголек мирно спал на верхней полке. Когда я вошла, он проснулся и, приподняв хвост, спустился ко мне. Он замурчал, тыкаясь мордочкой в сумку, где лежала рыба. Молоко из стакана я перелила в пустую миску и, дождавшись, пока Уголек его выпьет, положила туда рыбу. Котенок был голодным и сразу накинулся на второе.

Перечить мистеру Норрису я не могла. У него и так уйма хлопот. Так что вместо обеда я буду наведываться и кормить Уголька.

Мистер Норрис положил пакеты и поставил чайник на огонь.

– Мистер Норрис, а вы давно тут работаете?

– Ох. Да уж и не помню! Почти всю жизнь. Еще мальчишкой пришел сюда. И года не отучился. Идти было некуда, вот мне и предложили работу. Поначалу думал, что на время, а видишь, как засосало. Люблю природу и уединение. А студенты меня остерегаются. Про меня даже ходят байки, что мол маньяк какой или еще кто похуже. Но мне ведь это только на руку. Меня никто не трогает.

А я задумалась: что случилось тогда и почему он не доучился до конца?

– И не скучно?

– Да когда тут скучать? – усмехнулся смотритель. – Чай будешь?

Я кивнула и села на табуретку, – стул был в единственном числе. Похоже, гости сюда не захаживают. Мистер Норрис разлил чай и тоже сел.

– Скучать не приходиться. То ограду нужно починить, то вот покрасить чего, то газон подстричь или смастерить. Я на все руки мастер, – потягивая чай, говорил собеседник.

– Ну, а как ты? Устроилась?

Этот вопрос был задан неожиданно. Вроде ты обсуждаешь новости, а на середине разговора переключаешься на мелодраму.

– Да, вроде бы. Мистер Норрис, а вы слышали новость про ректора?

– Дак, конечно, об этом на каждом шагу говорят. Это печальная новость, девочка. Эллиот для этого места как отец. Он много сил вложил в свой труд. При нем стали выпускаться не студенты, а имена. Но то, что это последний год для Эллиота, новость даже для меня. И представить не могу, кто его заменит.

Я слушала и пила вкусный чай, а про себя отметила, что мистер Норрис зовет ректора по имени. Интересно почему?

– Ладно, заговорился я с тобой. Тебе, наверное, пора, да и у меня куча дел. Не забудь про среду.

– Спасибо за чай, мистер Норрис. Не забуду.

Я радовалась солнышку на улице, дома оно редко к нам заглядывало. Первый учебный день заставил попотеть, и, поднявшись на свой этаж, я мечтала о душе. В общей гостиной Лили разбирала свои учебники.

И не успела я переступить порог, как Лили засыпала меня вопросами о том, как прошел первый день, а особенно про инцидент в столовой.

– Все хорошо. Пара ссадин и все, – ответила я и вспомнила про мазь, которую одолжил Дэйв. Я достала ее из сумочки и нанесла лекарство на покрасневшие локти.

– Кэйли, конечно, та еще штучка, но ее лучше обходить стороной.

Я закатила глаза.

– Нат, я серьезно. Не секрет, что в его студенческие годы за мистером Клейном бегали девочки. Но он никогда не обращал ни на кого внимания. Говорят, он был заучкой и всегда был поглощен книгами. Когда я поступила на первый курс, он уже год был деканом, и тут понеслось.

Девочки оставляли ему записки на кафедре, дежурили по ночам у окон профессорского корпуса. А что творилось на балу? Можешь только представить. Кэйли перевелась сюда год назад из Лействиджа на кафедру права. Случайно или нет – не знаю, но она сохнет по нему, и это для многих не секрет.

Так, понятно, клинический случай. Что ж, на мистера Клейна я все равно не претендую.

– Так что, считай, ты перешла ей дорогу, когда мистер Клейн решил тебя проводить.

– Спасибо, что рассказала. Мне стало намного легче, – ровно ответила я.

– Ой, Нат. Прости, я не хотела. Просто она редкая стерва.

– Все нормально. Бояться стоит ей, а не мне. Тем более что мне абсолютно безразличен этот Джеймс Клейн.

– Ну-у-у, конечно.

Душ был настоящим спасением, и после него я почувствовала себя человеком. Вечером ребята собирались у Пэм. Было бы, конечно, неплохо остаться и покорпеть над черчением, но немного веселья не помешает. Сидеть допоздна я все равно не собиралась.

Из дома я привезла всего два летних платья, потому что настоящая любовь у меня была к джинсам и простым майкам. Выбрав платье лимонного цвета и расчесав волосы, я направилась к ребятам.

Пэм жила на втором этаже. Так что спустя пару минут я стояла у нужной комнаты, из которой доносилась музыка. Я постучалась, и где-то из глубины послышался звонкий голос Пэм: «Открыто!»

– Нат, ты пришла! Я уж думала, ты не захочешь приходить после дневных приключений, – Пэм подошла и обняла меня. Она определенно мне нравилась.

Я вошла внутрь. В гостиной было полно народу, но помимо прочих здесь были Том, Эмма, Дэйв и даже Питер с неизменной книжкой в руках.

– Ребята, знакомьтесь, это Натали.

Ко мне стали подходить студенты и представляться. Некоторых я уже видела на занятиях, некоторые были с других факультетов. Через десять человек я перестала запоминать имена. Когда знакомство закончилось, я села на диванчик в углу рядом с Дэйвом, который пил пиво и наблюдал со стороны за происходящим.

– Мазь помогла? – спросил Дэйв.

– Да, спасибо! Очень помогла, только я забыла ее захватить.

Мазь и правда была чудесной, краснота спала, и почти ничего не болело.

– Не надо. Оставь себе, – деловито ответил Дэйв. Я улыбнулась, и он снова раскраснелся.

– А как вы сюда попали? Мальчикам ведь нельзя сюда!

– Есть окно и конфеты. Мы их оставили коменданту. Вот и проскочили, пока она была занята ими, – поделился Дэйв и подмигнул.

Я улыбнулась, представив эту картину, а Дэйв предложил принести выпить. Через мгновение у меня в руках был пунш, разбавленный газировкой.

Пэм вышла в центр комнаты и громко объявила, что сейчас мы будем играть в игру «правда или действие».

– Начнем с меня! – предложила Пэм. – Выбираю действие.

– Ха! – улыбнулась Эмм. – Поцелуй Дэйва в щеку.

– Что-о-о? – это был Дэйв. От смущения он стал красным как краб.

Пэм подошла к нему уверенной походкой и легонько чмокнула в щеку, а Дэйв чуть не грохнулся в обморок.

– Кто следующий? – звонко спросила Пэм.

– Давайте я! – сказала Эмма. – Правда!

– Нарушала ли ты закон, и если да, то при каких обстоятельствах? – задала я вопрос.

– Это нечестно! Ты ведь все обо мне знаешь!

– Но остальные-то нет.

– Ладно. Было дело. Это было два года назад. Я тогда встречалась с, как мне казалось, крутым парнем, и мне хотелось его удивить. Что сказать, мозгов не было. Так вот, я поспорила с ним, что украду прямо из-под носа продавца женское белье, – смех сотряс комнату. – Правда, потом пришлось возвращать, чтобы не уволили продавца, – завершила рассказ Эмм и выпила из стаканчика.

– Так, Том, мы о тебе мало что знаем. Правда или действие?

– Пожалуй, действие, – хитро улыбнулся Томас.

– Выпей у соседа справа содержимое стакана залпом.

– А я-то наделся на поцелуй! – с притворной грустью ответил Том.

Он взял стаканчик, услужливо предоставленный соседом, и выпил одним махом.

– Гадость! – пожаловался Том. – Теперь ты, принцесса! Правда или действие.

Предположив, что ничего такого постыдного в моей биографии нет, я выбрала правду.

– Расскажи, что ты чувствуешь к нашему знойному мистеру Клейну!

Я поперхнулась. Все уставились на меня в ожидании. Это что, какая-то мантра, состоящая из его имени?

– Я чувствую раздражение, но… – я немного поболтала стаканчик, – но, признаться честно, он и правда красив. – Сказала я и поняла, что это обстоятельство станет новой почвой для подначивания.

– Мы ожидали большего, но раз ты все-таки признала его красавчиком, значит, в нем что-то есть! – сказала Эмма и подмигнула.

На очереди остался Дэйв.

– Действие! – попросил он сразу.

– Так, раз поцелуй от Пэм ты получил, мы не станем мучить Пэм отсутствием ответного, – предложила Эмм.

Дэйв совсем раскраснелся. Наблюдать за ним было одновременно и смешно и мило.

– Дэйв, это всего лишь игра, – ободряюще произнесла я.

Но алкоголь был в действии. Дэйв встал и походкой Терминатора подошел к улыбающейся Пэм. Парень был напряжен до предела, даже костяшки пальцев побелели. Он встал рядом с ней и, выждав несколько секунд, глядя только на Пэм, галантно попросил ее руку. Я в очередной раз удивилась таким разным сторонам личности Дэйва. Пэм протянула руку, и Дэйв нежно ее поцеловал. Пэм перестала улыбаться.

Питер, не желая подобной участи, ретировался. После Дэйва к игре подключились и другие ребята. Когда шутки стали более откровенны, а разговоры громче, я решила вернуться к себе. Учебу никто не отменял, и это говорю я, – удивительные метаморфозы.

Эмма и Пэм просили остаться на пару минут, но я нацелилась на кровать. Попрощавшись с ребятами, я побрела к себе. Лили уже спала, и я тихонько проскочила к себе в комнату. Как только голова коснулась подушки, я уснула.

Беги!

Наутро я проснулась с чугунной головой. Господи, дай мне сил! Еле сев на кровать, я посмотрела на часы. Оказалось, я проснулась раньше на целых полчаса, и мне хотелось скулить, но пока у меня есть возможность, нужно ей пользоваться, и первым делом я отправилась в душ. Под струями холодной воды мне стало легче, но голова была еще тяжелой.

Вернувшись в комнату, я взяла телефон. Восемь сообщений и десять пропущенных от родных, и я почувствовала укол совести. Могла бы перед вечеринкой позвонить им. Но написать что-либо внятное я категорически не могла. В гостиной послышался шум. Лили тоже встала и начала собираться.

– Утро доброе? – спросила соседка.

– Да, вроде, – а сама обшаривала глазами гостиную в поисках воды. Найдя графин, я налила целый стакан и сразу его осушила.

Лили вынесла из комнаты желтую пилюлю.

– Это от последствий веселых ночей студенческой жизни.

– Спасибо! – ответила я и запила таблетку еще одним стаканом воды.

Быстро собравшись, я вышла в гостиную.

– Нат, ты же не собираешься пойти в таком виде на тренировку?!

– Что? Но ведь… – я достала расписание из сумки.

О нет! И правда! Сейчас была общая тренировка.

Я влетела в комнату и стала переодеваться. Через минуту я была готова. Сама поразилась такой скорости. Собрала волосы в хвост и посмотрела на себя в зеркало. Выглядела сносно, только глаза были все еще покрасневшими от недосыпа.

Студенты первого курса выстроились шеренгами, как на вчерашнем построении. Я нашла цвет своего факультета и встала в самый конец. Голова еще гудела.

На поле показался преподаватель со свистком на груди. Выглядел внушительно. Высокого роста, широкоплечий, лысый, в левом ухе серьга, а правое ухо было целым только наполовину. Взгляд суровый. Он вышел в центр и дунул в свисток. Звук был таким громким, что мне показалось, что больше я ничего не услышу.

– Внимание, новобранцы! Меня зовут Харви Грин. На моих занятиях ваши бренные тела находятся в моих руках. Про нытье и мамку можете забыть. Весной состоится ежегодная игра «Ристалище семи» между факультетами. Команда победителей получит от меня автоматический зачет, звание чемпиона и повышенный бал на экзаменах. В команде от каждого факультета участвуют по восемь человек. Чтобы попасть в команду, сегодня вы должны продемонстрировать лучшие результаты. Тренировки перед игрой будут проходить здесь по субботам. Как вы понимаете, не ходить на них вы не сможете, в таком случае вас ждет автоматическое отчисление, – довольно закончил тренер.

Мы стояли как вкопанные и слушали, пытаясь переварить информацию. Если бы не похмелье, то я скорее обрадовалась бы такой возможности. В школе я была если не первой, то во всяком случае среди лучших, но моя неусидчивость мне мешала. Озадачивало только одно. В игре примут участие студенты всех курсов, в том числе и старшие. Значит, от каждого потока нужно двое участников.

Несмотря на чугунную голову, не побороться я не могла из принципа. Я вспомнила о брате. В школе он был всегда на первом месте, и в последнее время я ему уступала. Так что это был вопрос моего имиджа.

– На первый-второй рассчитайсь!

Мы рассчитались. Эмма, Том, Питер были под номером один, а я, Пэм и Дэйв – вторыми.

– Для начала разминка.

Мистер Грин показывал упражнения, а мы повторяли. Вроде бы ничего сложного, подумаешь!

Разминка закончилась.

– Группа номер один. Упор лежа принять. Отжаться сто раз.

Послышались возгласы и стенания.

– Группа номер два. Пятьдесят кругов по стадиону! Время пошло. На старт! Внимание! Марш! – мы сорвались с места.

Бегала я часто и поэтому знала, что развивать скорость сейчас ни к чему, тем более после вчерашней ночи. Нужно постараться сохранить дыхание. К счастью, головная боль стала отступать. Я посмотрела на Эмму и Тома, – они еще держались. Пит был самым бодрым из нас, как знал.

Двадцать кругов я пробежала легко. Голова окончательно прошла, но общее состояние оставалось вялым. Группа бежала по-разному. Кто-то оторвался вперед и уже был на пару кругов впереди меня, а кто-то, как и я, решил не торопиться. Но были также и те, кто заметно отставал. Мне ужасно хотелось пить, и я заметила, что рядом с тренером стоит столик с бутилированной водой. Но если я отбегу попить, соперники оторвутся вперед. Надо продолжать.

Ребята из «первой» группы закончили отжиматься, и те, кто это осилил, подходили к тренеру. Я удивилась, когда увидела, что Том закончил первым. Значит, мне нужно попасть как минимум в четверку. Через пять кругов жажда стала невыносимой, но я не рискнула подбежать к водопою. Еще через пять кругов шестеро прекратили бег, а еще двое подбежали к воде.

Пэм отставала на один круг, Дэйв бежал впереди. Пора ускоряться. Я увеличила темп и порадовалась, когда поняла, что передо мной всего лишь пятеро. Черт. Они даже не сбавили темпа. Скрипя зубами, я заставила себя бежать и не думать о боли. Я оторвалась вперед на два круга и, когда осталось всего десять, не выдержала и подбежала к воде. Крышка не поддавалась, но тут на выручку подбежал Том и, пока я пила, сказал:

– Давай, принцесса. Осталось всего ничего. Я в тебя верю. Вообще, я не думал, что ты продержишься и трех кругов, – я посмотрела на него с вызовом, но сил ответить не было. – Извини, давай, короче. В команде нужны свои люди.

Я кивнула и рванула на круг.

Из-за остановки дыхание сбилось, и мне стало хуже. Легкие горели. Десять кругов показались непреодолимыми. В голове крутилась мысль, что я робот, я робот и ничего не чувствую, просто бежать.

Через круг я сбавила темп, и теперь впереди было семеро.

Я пробегала мимо тренера. Харви довольно улыбался, наблюдая наши мучения. И от мысли, что мне придется сдавать зачет этому извергу, сил прибавилось. Я догнала двоих и вдруг услышала, что Эмма, Том и Пит кричат мое имя. У меня словно выросли крылья, и я рванула вперед на пределе возможностей. Я даже смогла опередить еще двух. Осталось снова пятеро. Дэйв был вторым.

Финальный круг.

Кричали уже не только мое, но и имя Дэйва. Мне казалось, что я сейчас выплюну легкие. Жажда снова о себе напомнила. Пот лил ручьем. Сердце стучало в ушах.

Неожиданно парень в серой форме, что бежал передо мной, сделал подножку бегущему в зеленой форме, и тот упал, вопя от боли. Я чудом увернулась и продолжила дистанцию. Почему не снимут этого ненормального? Но тренер ничего не делал. Серый продолжал бежать. Он мне показался знакомым. Где-то я его видела.

Осталась половина круга. Я пыталась подбежать к серому. И на последних ста метрах я подобралась к нему. Финишная черта – и всего лишь на долю секунды я была позже. Я пришла четвертой.

Я перешла на шаг и пыталась отдышаться. Меня трясло, хотелось упасть на землю навзничь, но нельзя. Я посмотрела на парня, который минуту назад лежал на беговой дорожке. Его тащили медики в медицинский корпус. Через четыре минуты финиш пересек последний.

Закончила бег только половина. Я выровняла дыхание и медленно подходила к ребятам. Дэйв пытался успокоить Пэм, которая, очевидно, была расстроена своим результатом. Когда я подошла, тренер скомандовал общее построение. Но все, включая меня, еле тащили ноги.

– Быстрее или на следующий круг пойдете!

Мы, будто не помня адовой пробежки, быстрее скорости света побежали на свои места.

– Ну что, полудохлики. Это не лучший результат. Но что есть. Вас ждет усиленная подготовка, – сказал он, предвкушая недовольства. – Я буду называть цвета факультетов, так проще. В финальной игре примут участие: в команде зеленых – Брэд и Эдвард Файнсы…

Он перечислял имена, пока не дошел до серых. Мне было интересно узнать имя серого садиста.

– От серых – Майкл Стонтон и…

У Майкла были черные волосы, челка падала на глаза, а взгляд хитрый и злой. К своему неудовольствию, я отметила, что у него спортивное телосложение.

– От желтых – Дэвид Лойс и Джим Кэллоу. От синих – Томас Росс и Натали Лэнг.

Что? Я же пришла четвертой! Но тут Том пояснил:

– Парню в моей группе стало плохо, и его отвели в медпункт, – Том выглядел серьезным и сосредоточенным.

– Что-то мне подсказывает, что нам будет несладко. Ты видел, как этот Майкл сделал подножку парню с биотехнологического факультета? Похоже, у него перелом, – сказала я и посмотрела на беговую дорожку.

Того парня там, конечно, уже не было. И почему этот Майкл кажется знакомым?

– Видел, – только ответил Том.

Я сжалась. И зачем я ввязалась во все это?

– Эй! Принцесса. Мы ведь в одной команде. Все будет хорошо, – подбадривал Том.

– Так, бойцы. Те, кто прошел отбор, должны заполнить анкету и передать ее мне на следующем занятии. А пока можете отдыхать, – хищная улыбка. – В субботу вас ждет первая тренировка с командой. Разойтись!

Мы не стали медлить и старались идти живее. Позади я услышала раскатистый смех тирана. После душа от вчерашнего вечера не осталось и следа. Я-то думала, что буду здесь учиться потихоньку, впитывать прекрасное, а тут.

После пробежки я готова была съесть суп, жаркое из кабана, салат и еще кусок огромного торта, желательно шоколадного.

Набрав подносы под завязку, мы сели за столик. Но мы настолько устали, что ели молча, только ложки стучали.

Следующим занятием был рисунок. Мы пришли с Томом в аудиторию раньше остальных, сели на стулья и чинно уснули. Но заходившие студенты нас все же разбудили. Впрочем, не только мы с Томом были сонными мухами. Остальные выглядели не лучше, кроме тех, кто бросил затею идти до конца.

В аудиторию зашел приземистый преподаватель. Он был стареньким, его руки тряслись. Он медленно шаркал к кафедре. Казалось, улитка ползет быстрее.

– Да это уже чудо, что он дошел до аудитории, – сказал Том немного громче, чем рассчитывал, и волна смеха прокатилась по рядам.

– Я, может быть, и стар, однако слышу и вижу прекрасно, – сказал профессор, и все поутихли.

– Меня зовут Ллойд Тигс. Я постараюсь научить мастерству рисунка. Форма в рисунке – один из самых важных навыков. И научиться этому может каждый. Итак, сегодня я попрошу вас нарисовать натюрморт.

На столе возле профессора лежала тарелка с фруктами и кувшином.

Профессор сел и начал что-то читать. Мы принялись рисовать. Но наши руки тряслись почти так же, чем у Ллойда Тигса. Я посмотрела на группу, почти у всех была такая же проблема. Профессор сосредоточенно читал, и, казалось, не замечал ничего вокруг, но на его лице была растянута еле заметная улыбка. Похоже, у мистера Тигса отменный юмор, не хуже, чем у Тома. Ведь, конечно, он знал, что перед его занятием у нас была тренировка у Харви Грина.

Линии выходили криво. Боюсь представить, что сейчас лепят на своем занятии Эмма и Пэм. От этой мысли я про себя улыбнулась. В конце занятия я оценила свое творчество. На моем листе фрукты и кувшин выглядели так, будто началось землетрясение и фрукты вот-вот упадут на землю.

Мы сдали свои рисунки улыбающемуся мистеру Тигсу. Следующее занятие было у мисс Тьери.

К сожалению, на этой лекции меня сморило. Спасло то, что я сидела на последнем ряду и меня закрывал рослый парень спереди. Том каким-то чудом не уснул и даже что-то записывал. О том, что занятие кончилось, я поняла, когда Том воскликнул, что наконец-то можно нормально поесть.

– Том, в тебе что, скрыта бездна? – спросила я и оценивающе на него посмотрела.

– Принцесса, не смотри на меня так, а то я сочту, что ты на меня заглядываешься. А я, ты знаешь, еще не остепенился, – непринужденно ответил Том.

Мы отправились в столовую, но я с ребятами я не осталась и, взяв себе суп и молоко и запеченное мясо для Уголька, поднялась наверх. Я съела суп и поняла, что я недооценила свой голод. Ну и ладно. Переодевшись, я вышла на улицу и привычным маршрутом пошла к Эймсу Норрису.

Дверь была открыта, но ни мистера Норриса, ни Уголька не было. Я сначала испугалась, что мистер Норрис все-таки выкинул Уголька в лес, но, увидев кошачью миску, успокоилась. Оставив еду для котенка, я вернулась в общежитие.

Оставшийся вечер я посвятила подготовке домашнего задания по черчению. Нарисовать здание по правилу золотого сечения оказалось трудной задачей. На ум не приходило ничего стоящего, и тогда я решила, что нарисую родительский дом. Вспомнив про родителей, я достала телефон. Через несколько гудков мама ответила взволнованным голосом:

– Милая, это ты?

– Да, мам, привет.

– Девочка моя! У тебя все хорошо? Как учеба? Ты уже познакомилась с друзьями? Тебя кормят? – на одном дыхании засыпала вопросами мама.

– Да, у меня все хорошо. Учеба интересная. Да, и с друзьями познакомилась. Конечно, кормят, – вроде ничего не забыла. – Мам, ты представляешь, с кем я учусь!

– С кем?

– С Эммой! Ты ее помнишь? Мы еще с ней в школе учились.

– Да уж. Как забыть! Она все еще носит байкерскую куртку?

– Ну, вообще-то мы ходим в форме. Но я уверена, что у нее припрятана такая куртка на случай конца света, – ответила я и представила такой расклад. – Как там папа, Ник?

– Ты представляешь! Отцу тут в голову ударило купить мотоцикл! На старости-то лет! Я не могу, уже седина на голове, а он решил, что ему пятнадцать! – я улыбнулась.

– А что Ник?

– Ник его пытался вразумить, но какое там! Вот если бы ты поговорила с папой, может, передумает. А то все же немолод.

– Хорошо, мам. Поговорю. Но ты передай, что я против и когда приеду, задам трепку.

– Ох! Передам. Ты когда к нам приедешь?

– Я же только уехала! Но думаю, что на Рождество приеду. У нас по субботам тренировки, да и некоторые предметы придется подтягивать.

Мама расстроилась, но взяла с меня обещание, что я буду звонить и писать. Я положила трубку и ощутила тоску по дому. Но долго переживать не пришлось. Уже поздним вечером я заканчивала чертеж.

Сквозь темную материю

Проснулась я на удивление бодро. Рассветные лучи залили комнату теплым светом. Когда я пересекла гостиную, Лили внимательно на меня посмотрела и вкрадчиво спросила, как я себя чувствую, и тут же пояснила, что после тренировок с мистером Грином все спят как убитые.

– Похоже, я буду участвовать в играх.

– Ты шутишь? Нат! – Лили встала со стула, от улыбки не осталось и следа. – Да там дай бог живым остаться! Ты чем думала? – подруга выглядела взволнованной, но внезапно осеклась. – Прости.

– Так, выкладывай, – она молчала. – Лили!

– Вас ждет полоса препятствий. И поверь, это не детские забавы, – соседка замолчала, о чем-то задумавшись.

– Ты что-то знаешь? Говори!

– Во-первых, я не знаю как, но тебе позарез нужно найти подход к Харви Грину… – Лили снова замолчала, что-то вспоминая.

Я не стала ее торопить, хотя мне пора было выходить.

– Во-вторых, тебе ни в коем случае нельзя нарываться на неприятности с кем-то из студентов других факультетов, – и опять замолчала. – Мой брат участвовал год назад в этих играх… Нат, его еле откачали! – ее глаза увлажнились и тут же покраснели.

– Тише-тише. Все позади, – я обняла Лили и легонько поглаживала ее по макушке, чувствуя, как она дрожит всем телом.

А сама ощутила, как паника подступает к горлу. Спрашивать, где сейчас ее брат, я не стала. Что-то мне подсказывало, что она больше ничего не расскажет. Настроение стало мрачнее грозовой тучи, несмотря на солнышко и чистое небо.

На черчении я села, как обычно, с Томом и задумалась. До игр еще полгода – может, их отменят или случится чудо?

– Наша принцесса встала не с той ноги? – пошутил Том, но я не отреагировала. Том вдруг стал серьезней и подвинулся ближе. – Что случилось?

– Те игры… – начала я.

Но договорить я не успела, Ховард Хэмилтон взошел на кафедру.

– Домашние работы сдадите в конце занятия.

Перед нами возникал новый чертеж. Я вылупила глаза: то, что он рисовал, было невообразимо. Я достала тетрадь и, уже забыв о рассказе Лили, принялась перечерчивать нарисованное на доске. Я никак не могла осилить объемы и размеры. У меня выходил совершенно другой чертеж.

Стояла тишина, был слышен только скрип карандашей. Я пыталась запомнить, что говорил профессор, параллельно занося в тетрадь условные обозначения.

Когда занятие закончилось, мы сдали свои работы, и я направилась вслед за Томом, но меня позвал Ховард Хэмилтон.

– Мисс Лэнг, похоже, у вас есть дела поважнее, раз вы опаздываете на занятия и к тому же не нашли времени на выполнение домашнего задания!

«Что? Да я целый вечер убила на этот рисунок!» – пронеслось в голове. Я стояла с открытым ртом.

– Переделать. Если не будете успевать, зачета вам не видать, – отчеканил профессор.

От обиды я подумала, не разреветься ли, но, решив, что этим я окажу ему честь, передумала.

Я забрала свою работу и вышла из аудитории. Ребята в столовой уже доедали ланч. Я взяла сэндвич и села рядом с ними. Жевала молча, времени до следующей пары уже не оставалось, а снова остаться голодной не хотелось. Пока я ела, Том буравил меня взглядом, но я старалась смотреть в сторону.

После ланча мы отправились каждый на свои занятия. У нас была графика. Мы расселись привычном образом. Оставалась еще пару минут до начала, и Том не выдержал:

– Ты скажешь, наконец, что тебя так потрясло?

– У моей соседки Лили брат участвовал в этой игре в прошлом году. Ему там крепко досталось, его еле спасли, – быстро выдала я.

– Значит, тренировке мы уделим особенное внимание, – ровно ответил Том, но по его виду я поняла, что он напрягся. – Прорвемся, – помедлив, добавил он.

А я на секунду представила, что что-то подобное может произойти с ребятами, и съежилась.

– Принцесса, а ты там ничего не напридумывала?

Ответить не успела, так как в аудиторию быстрым шагом вошел преподаватель. Он выглядел странно: на голове красовался тюрбан всех цветов радуги, халат примерно такой же расцветки, а на ногах шлепки. Такую одежду носят на востоке, но профессор явно был из наших мест.

– Всем доброго дня, господа. Меня зовут Бенджи Киган. Я буду у вас вести графику, – он говорил быстро и без акцента.

– Как вы знаете, графика имеет множество форм, но мы остановимся на рисовальной.

Итак, графика древнее живописи: именно к ней относятся наскальные изображения первых художников человечества, если позволите. Со временем наскальный рисунок перекочевал со стен пещер на посуду, папирус, пергамент, бумагу. На его же основе возникла пиктография – предшественница письменности, и только потом появились иероглифы.

Однако через некоторое время рисунок отошел на задний план и стал восприниматься всего лишь как эскиз для живописи. Графика многопланова. Вы можете с ней столкнуться на гравюрах или на пастели. Также выделяют акварельную графику и другие виды, например, промышленную. Ее мы можем увидеть на рекламных постерах.

И только сегодня графика заняла положенное место в искусстве, а коллекционеры отслеживают на аукционах работы лучших. На моих занятиях вы отточите плавность линий и штрихов.

Профессор говорил, словно перед ним стоял невидимый таймер и он боялся не уложиться вовремя, при этом он сопровождал свою речь активной жестикуляцией. Мы всецело были поглощены его рассказом и манерой излагать.

По окончании занятия профессор Киган вышел из аудитории так же быстро, как и заходил. Хотя обычно все происходит наоборот.

Последним занятием была живопись, и я понеслась туда. Почти у входа в аудиторию меня нагнал Том.

– Надо сказать Дэйву о том, что ты мне рассказала, – я остановилась и задумалась.

В том, что из нас сделают отбивную, верилось не до конца. Может, Лили преувеличивает? Хотя интуиция подсказывала, что она не договорила часть правды. А накручивать ребят на пустом месте не хотелось.

– Том, давай повременим? Может, все не совсем так, как сказала Лили.

– Ладно, но если из нас приготовят котлету, я напишу предсмертную записку, в которой упомяну, что ты все знала, – он говорил серьезно, и на миг я ему почти поверила, но вдруг Том засмеялся и пошел вперед.

А я задумалась, правильно ли мы поступаем, что не говорим Дэйву.

В аудиторию я заходила, будучи подавленной. В противовес моему настроению Оливер Хейни был в отличном расположении духа.

– Так, мои юные творцы, за дело! Пусть вас посетит муза. Творите, творите, птички мои! – с чувством произнес профессор и от нетерпения хлопнул в ладоши.

Мистер Хейни ходил по рядам, попутно останавливаясь у каждого студента, что-то поясняя. Я же не могла взять в руки кисть. Повернула голову к Тому, и от удивления мои глаза полезли на лоб: к карикатуре стали прибавляться детали. Помимо гротескного выражения лица, теперь обретал черты детонатор, а линия провода вела к профессору.

– Знаешь, Том, сегодня, кажется, у тебя здесь последний день. А жаль, мы ведь толком и не познакомились, – с сочувствием в голосе произнесла я.

– Вот еще! Мой талант и в землю зароют! Да ни за что! Это называется абстракция, принцесса, – сообщил Росс с выражением знающего дело.

– Боюсь, я ничего не понимаю в прекрасном.

– А вот это уже ближе к истине. Но за попытку подколоть пять баллов. А теперь не отвлекай, а то сделаю лишний мазок.

– «Мы, живописцы, пользуемся теми же вольностями, какими пользуются поэты и сумасшедшие…»

– Девочка моя! Ты же цитируешь Паоло Веронезе! Я безмерно рад, что у меня на курсе такой талант! – чуть не прокричал Оливер Хейни.

Он подошел ко мне и увидел, что я так и не прикоснулась к холсту.

– Отчего же вы не начали работу? – у него было выражение лица, как у ребенка, который потерял любимую игрушку.

Я ответила, что не могу, и профессор озадаченно покачал головой, видно, понимая, что тонкую душу художника можно и задеть ненароком. Решив меня не трогать, он повернулся к Тому и замер. Пауза повисла в воздухе.

«Ну все! Прощай, Том, я правда буду скучать», – подумала я.

– Талант! Мальчик мой, у тебя настоящий талант! Ну-у-у! Это же Эйнштейн, да? Я угадал?

Том молчал.

– Ну не надо скромничать! Даже детонатор изобразил, как бы указывая на причину его прически. Фантастика! Здесь не хватает только математических формул, – сказал профессор, продолжая восхищаться. – Но должен признать, это не высокое искусство, нужно попробовать взять планку повыше. Мне кажется, тебе стоит рассмотреть для себя постмодерн. Твой характер должен отобразиться на полотне, мой мальчик.

Все это время Том сидел как истукан и даже не моргнул. Такой реакции он не ожидал.

– Согласен, нужно обладать долей безумия, но, если мой ученик рисует с меня карикатуру, оно в нем есть. Выбор стиля предоставляю тебе.

Профессор как ни в чем не бывало продолжил ходить по рядам. А Том теперь, похоже, лишился способности дышать.

Я позвала Тома, и только спустя секунды он повернулся ко мне с непроницаемым лицом, но будто не видел меня. Потом он резко встал, вышел из аудитории и вскоре вернулся с мокрой головой. Вода капала с его волос прямо на одежду, но, казалось, Том этого не замечал. Он неотрывно смотрел на профессора, а затем двинулся к нему.

– Мистер Хейни, вы мой кумир! Знаете, еще никто так не смог меня развести, то есть подколоть. Ну, вы понимаете, – Том вытянул руку в приветственном жесте, а когда мистер Хейни ответил, затряс ее.

Все это время Том смотрел на профессора с истинным благоговением. А когда тряска конечностей закончилась, Том провел рукой по волосам и заметил, что голова мокрая.

– Ну, теперь, мистер Росс, когда мы с вами стали друг друга лучше понимать и познакомились ближе, приступите, пожалуйста, к работе.

Том сел, рывком снял карикатуру, взял картон и стал рисовать карандашом новый эскиз. Его блестящие глаза меня теперь пугали.

Я поняла, что к портрету нужно добавить озорства. Взяв мягкий карандаш, я продолжила набрасывать эскиз. По окончании занятия я наполовину завершила рисунок и не хотела уходить, – моя муза в лице мистера Хейни еще была со мной. Я ощущала эйфорию и желание творить. Поскольку это было последнее на сегодня занятие, Оливер Хейни разрешил мне остаться еще на час. И этого хватило, чтобы закончить основу. Детали я решила оставить на следующий раз. Я пропустила обед, но есть не хотелось.

Переодевшись в джинсы и простую футболку, я поспешила к Эймсу Норрису. Мне было поручено убрать прилегающую территорию основного корпуса от мусора. Взяв перчатки, пакет и захват для мусора, я пошла на уборку. Через полчаса мусорный пакет был набит под завязку, и я взялась за следующий.

Конечно, именно сейчас, по закону подлости, Кэйли появилась на горизонте со своими друзьями. И конечно, пройти мимо меня просто так было нельзя.

Их было четверо, как и всегда: она, смазливый, косматый и Майкл! Тот, кто сделал подножку на забеге. Вот почему мне показалось его лицо знакомым. Но что он делает среди выпускников?

– Привет, мышка! Наконец, твоим способностям нашли нужное применение.

– А твоим еще не нашли.

– Ну, не надо грубить, хотя, наверное, твоя должность это позволяет, – ядовитым голосом продолжила она.

Ее дружки засмеялись.

– Я смотрю, у тебя появилось свободное от отработки время, – лениво ответила я.

– Кэйли, пошли. Опаздываем, – позвал ее красавчик, который был в первый день в столовой.

– Сейчас, Райан, только немного помогу, – она плавно приблизилась к набитому мусорному пакету, замахнулась и пнула его в мою сторону так сильно, что половина мусора оказалась на земле.

Громкий хохот сотряс пространство. Майкл, прищурившись, улыбался, смех косматого напоминал индюшачий, Райан, запрокинув голову, гоготал, а отсмеявшись, сказал:

– Кэйл, если ты когда-нибудь предложишь мне помощь, я, пожалуй, откажусь, – и снова покатился со смеху, как и остальные.

Я стояла неподвижно. Меня трясло от ярости. Еще никто в жизни меня так не унижал. Я сверлила взглядом эту четверку и, не выдержав, сделала два шага к этой компании, но на третьем я за что-то зацепилась и упала прямо в разбросанный мусор. Хохот стал оглушающим.

– Вот где тебе самое место, – сказала Кэйли.

Я медленно поднялась, чувствуя, как ошметки очисток падают с меня на землю. Слезы против воли щипали глаза.

– Все пошли, Кэйл, время! – сказал Майкл.

– Прибери здесь, а то как-то грязно, – напоследок кинула она и засеменила в сторону с ребятами, продолжая смеяться.

Я стряхнула с себя оставшиеся очистки и сморгнула слезы. В жизни большего позора не испытывала. Даже перед родителями мне не было так стыдно из-за своих проделок.

– Пойдем, чаю налью, – из-за нахлынувших слез я не заметила, как ко мне подошел мистер Норрис.

– Я еще не закончила, – сказала я и услышала, что мой голос дрожал.

Мистер Норрис осторожно взял у меня захват для мусора и принялся собирать разлетевшийся мусор.

– Иди в дом, а то слезами все зальешь.

Пока я волочила ноги, ощутила, что к стыду добавилось еще и чувство вины. Сняв перчатки, я села на табуретку, и мне в руки сразу прыгнул Уголек. Он потерся о меня, прося, чтобы его погладили. Я почесала спинку, послышалось мурчание, и довольный котенок разлегся на коленях. Вскоре появился мистер Норрис и налил чай.

– А он все-таки смышленый, этот оборвыш. Как ты его зовешь?

– Уголек.

– И вправду Уголек, – сказал мистер Норрис.

Я удивленно уставилась на него.

– Чего?

– Я ни разу не видела, чтобы вы улыбались.

– Это из-за того, что ты меня не знаешь.

Мистер Норрис сидел за столом, обхватив руками чашку, погрузившись в свои мысли, я почесывала Уголька и пила чай. Струйки пара из кружек поднимались наверх и быстро испарялись. И вдруг я ощутила, что мне тепло и укромно в такой компании. Наше молчание не было тягостным, скорее наоборот, наполняло изнутри. Здесь хорошо, но мне пора возвращаться.

– Мне пора, мистер Норрис. Спасибо за чай, – поднимаясь, сказала я.

– Чай всегда помогает, – ответил он, все еще пребывая в своих мыслях.

На улице занимался закат. Солнце было вишневым, небосвод удерживал крепкую, густую синеву, отдавая солнечным лучам лишь кромку неба, и ни одного облачка. Что стоит любое произведение, созданное рукой человека, в сравнении с творением природы?

– Закат сегодня великолепен. Такая суровость и такая безмятежность, не правда ли? – послышался знакомый голос.

Похоже, внезапность – отличительная черта Джеймса Клейна.

– Ничто не властно над природой. Она сурова перед творением человека. Не стоит спорить с ней. Все тщетно. Вот смиренное признание, – не задумываясь, ответила я.

– Поэтично.

– Спасибо, – ответила я, продолжая смотреть на закат.

– Вы видели полусферы, мисс Лэнг? – я удивленно посмотрела на мистера Клейна, и наши взгляды встретились. – Они за медицинским корпусом. Это капсулы в виде полусферы. Они что-то вроде места для медитации. Позволите? – он протянул руку в приглашающем жесте.

Мне нужно было доделать домашнее задание, и я собиралась отказать. Но снова ставить в неловкое положение декана не хотелось, к тому же стало интересно, что такое эти сферы. Мое противоречие не осталось не замеченным.

– Готов спорить, вам понравится.

– Мистер Клейн, спасибо, но мне нужно…

– Вы художник и, скорее всего, тонкая натура. Я бы сказал, вы обязаны это увидеть, и поверьте, ваши глаза увидят то, что видели лишь единицы. Это того стоит.

Я кивнула.

– Это ненадолго.

На этот раз руку мистер Клейн не предложил. Мы молча шли по неизвестной дорожке, и вскоре я заметила десяток прозрачных полусфер, торчащих прямо из травы. Сферы были непроницаемы, и то, что было внутри, оставалось загадкой.

– Здесь преподавателям разрешено проводить свободное время. Минутку.

Он подошел к сфере, что была ближе к нам, что-то на ней нажал и отошел к следующей, повторив манипуляцию.

– Вот эта пуста.

Хм. Значит, в первой кто-то был. Интересно кто? Дверца полусферы поддалась и открылась. Джеймс отошел на шаг, пропуская меня вперед, выжидая, когда я решусь, а в его глазах плясали искры любопытства.

Я шагнула ближе, внизу просматривались небольшие ступеньки. Медленно спустилась, а следом спустился мой проводник. Здесь было темно, особенно внизу, словно темнота не хотела пропускать свет.

Включилась тихая подсветка. Прямо надо мной находилась прозрачная полусфера, через которую хорошо просматривалась поверхность. Внутри стоял полукруглый диван, письменный столик и стул. Но, помимо прочего, здесь находились два необычных кресла: подлокотники, изгиб спинки, подголовник и подставка для ног были анатомической формы. Повсюду были регулировочные механизмы. В самих креслах можно было скорее лежать, нежели сидеть. Мистер Клейн сел в кресло и жестом пригласил сесть в такое же. Я села и тут же поняла, что пространства между нами нет.

– Мисс Лэнг, я не собираюсь делать нечего противоправного. Я хочу вам кое-что показать, – он щелкнул по кнопке на пульте.

Вдруг стало совсем темно, и я посмотрела наверх. Боже мой! Это же звездное небо! Мы будто оказались на космическом корабле и бороздили просторы галактики. Я смотрела и смотрела, не в силах оторваться от этого чуда.

– Вы были правы. Тщетно спорить с мирозданием. Я хотел показать, насколько вы близки к правде.

– Это просто не-не-невероятно.

– Да, не все, что мы видим, можно объяснить, но наука к этому идет.

Я повернула голову к собеседнику, но увидела лишь очертания лица. Декан смотрел на галактику. И вновь я почувствовала смущение. Мы здесь были совершенно одни, а ведь мы ни разу не оставались наедине, ну почти. Мы? Щеки стали гореть. Как хорошо, что здесь темно, порадовалась я и перевела взгляд на небо.

Вдалеке показалось что-то мерцающее, неуловимое, и оно приближалось. Через мгновение я разглядела – это была комета. Настоящая комета! Она была еще слишком далеко, но одновременно казалось, что она близко, на расстоянии вытянутой руки. Если я правильно понимала, то сейчас мы находились между Плутоном и Нептуном. Поразительно, но Солнце с этого расстояния казалось маленькой лампочкой в поглощающей тьме.

– Это комета Галлея. Она пролетит мимо земли только в 2061 году. Впервые ее заметили в 1066-м. Вы знали, что кометы сформировались в ранний период Солнечной системы, и они же – самые отдаленные тела Солнечной системы?

Я отрицательно помотала головой, с открытым ртом рассматривая комету.

Скорее всего, мы пролетали мимо нее на огромной скорости. Яркая на первый взгляд, она состояла из россыпи кристаллов. Когда я еще увижу такое чудо? А я еще хотела отказаться от приглашения! Но эта мысль быстро испарилась, хотелось рассмотреть каждую деталь, запомнить все мелочи.

– Комета в основном состоит из водорода, углерода, пыли, минералов, а также из других элементов и почти на пятьдесят процентов из воды.

– Так вот почему она такая яркая! – я вскрикнула от радости догадки. – Ведь в космосе низкая температура, и вода застывает в форме льда, от этого она так светится, то есть отражает свет, – добавила я, широко улыбнувшись собеседнику.

– Правильно. Именно кометы, как полагают ученые, дали нашей планете самый необходимый элемент – воду. Возможно, вы ошиблись с выбранным предметом.

Мистер Клейн взял пульт и нажал на кнопки. Картинка перед глазами сменилась. Перед нами как на ладони разливались две туманности причудливых форм. Словно легкие дымки, казалось, вот-вот – и развеются. Одна была фиолетового цвета с зелеными прожилками и кра-

пинками белых и красных оттенков, а другая – лимонно-персикового, переходящая в молочный. Звезды, словно драгоценные камни, украшали эти невесомые полотна. Хотелось потрогать. Вид настолько захватывал, что я перестала дышать. Я услышала шевеление и произнесла:

– Сидеть за телескопом не мое. Тогда я бы пыталась зарисовать, что вижу. Вот, например, вот эту фиолетовую пыль. Вся работа встанет. Так что нет, я не ошиблась, – услышав смешок, я повернула голову и увидела, что мистер Клейн, не отрываясь, смотрит на меня.

Этот взгляд меня парализовал, словно электрическим током. Боже, как все-таки дышать? Пауза стала невыносимой.

– Эти туманности пока недосягаемы для человека. Даже если двигаться со скоростью света, до нее мы доберемся через триста тысяч лет.

– Я даже не могу представить эту цифру.

– Да, человеку трудно уложить в голове такие цифры. Возможно, наши поколения все же смогут перемещаться сквозь миры. Но я могу показать нечто удивительное в нашей Солнечной системе.

Наше местоположение изменилось. Мы оказались прямо над какой-то планетой, вокруг было абсолютно темно. Я повернула голову в противоположную сторону и увидела маленькую желто-красную точку, что была далеко отсюда и мало освещала пространство.

– Отсюда Солнце кажется маленьким, оно красноватое из-за преломления света. Так ученые определяют расстояние до космических объектов. А это спутник Юпитера, называется Европа, он немногим меньше Луны, но ученые предполагают, что здесь возможна жизнь.

Мы приближались очень быстро. Сверху спутник казался ничем не примечательным, он был серого цвета с прожилками красного кирпича. Но при приближении стало заметно, что поверхность гладкая и больше похожа на потрескавшийся лед. Кратеров почти не было, но было множество трещин. На моих глазах чуть правее нас, на горизонте видимости взорвалась огромная струя прозрачной жидкости и ушла далеко-далеко вверх.

– В отличие от земной коры, Европа имеет уникальное строение: ледяную оболочку толщиной около 35 километров и жидкий океан под ней. Из-за трещин в коре под давлением высвобождается горячий пар, который может подниматься на высоту до сотни миль.

До поверхности оставались считанные мгновения. От ощущения реального падения я зажмурилась и тут же почувствовала горячую руку на своей.

– Мисс Лэнг, вам ничего не угрожает. Я обещал, – Джеймс почти незаметно провел пальцем по тыльной стороне моей ладони.

Простое движение, но оно и успокаивало, и вызывало новые ощущения. Еле заметная улыбка замерла на его лице.

Боковым зрением я заметила, что картинка снова сменилась, и перевела взгляд. Мы только что плюхнулись в трещину и оказались в белоснежной пещере изо льда. Все внутри мерцало и переливалось светом.

А внизу было море. Море? Синяя жидкость разливалась под ледяным туннелем. Сам тоннель был причудливых форм и размеров, местами то сужаясь, то расширяясь. От восхищения я открыла рот. Все, теперь я готова была умереть от потери воздуха, – похоже, я разучилась дышать.

– Это виртуальная реальность, созданная учеными на основе снимков спутника. Много вопросов остаются открытыми до сих пор.

– То есть ученые тоже художники?

– И здесь вы правы.

Мы плутали по тоннелям. Но поскольку спутник был покрыт льдами, долго здесь находиться не имело смысла, как пояснил мистер Клейн. Наш корабль вскоре поднялся в космос и отправился в сторону Земли.

– Вы изучаете космос? – спросила я, приходя в себя.

– Интересуюсь. Но сейчас я понял, что чем больше изучаешь его, менее всего понимаешь людей.

– Что вы имеете в виду?

– Солнечная система не видна на карте нашей галактики, а самих галактик несчитанное количество. Ученые до сих пор не могут оценить размеры этого пространства. Наше представление о физике довольно скоро покажется примитивным. Космос настолько масштабен, что наше сознание не в силах это принять. Если я назову расстояние в миллион миль, или, скажем, один квадриллион, – насколько вам будет понятна эта величина?

– А это сколько?

– Это очень много, поверьте. Так вот, когда ты прикасаешься к таким материям, человеческая суета становится абсолютной пустой, – задумчиво ответил Джеймс, и морщинка на его переносице сложилась в глубокую линию.

– Да, но, если все это пустое, тогда как люди смогли отправить в космос спутник и столько узнать за сравнительно небольшое время? – спросила я.

Мистер Клейн выплыл из своих мыслей и посмотрел на меня.

– Эта мысль ободряет, Натали, – от того, что он назвал меня по имени, я снова чуть не лишилась воздуха. – Мы дома.

Я задрала голову и поняла, что наше путешествие закончилось, а над нами привычное вечернее небо. Я встала и немного пошатнулась, чуть не ударившись о диван, но сильные руки меня подхватили.

– Стоите?

– Да… Да, спасибо, – мой голос дрожал.

– Все в порядке? – я повернулась к декану. Джеймс Клейн выжидательно смотрел на меня.

– Спасибо. Было круто!

– Рад, что вам понравилось.

Я не верила, что мои глаза только что видели все это и что мы были там, где мы были. Но то, что мистер Клейн все еще стоял рядом, говорило о том, что все было правдой.

– Мне действительно пора, – сказала я.

Мистер Клейн склонил голову в знак прощания. Я еще раз поблагодарила его и неторопливо пошла домой.

На подходе к женскому корпусу я посмотрела на вечернее небо. Я пыталась отыскать комету, кажется, Галлея, и туманности, словно космические облака, и спутник Юпитера, о существовании которого до сегодняшнего дня не догадывалась. Но я ничего не нашла, кроме далеких звезд, что отсюда казались крохотными бисеринками.

Неужели все-таки есть миры, похожие на наши? Или люди, какие они? Может, они не люди, а инопланетяне, которые пытаются оставить нам сообщения, а мы не можем их прочитать? Сколько тайн и как мало ответов.

Уже у своей комнаты я поняла, что из моего кармана выпал брелок в виде скрипки, который мама подарила перед поездкой. Наверное, выронила в траве, когда убирала мусор. Надо будет завтра там посмотреть.

Я собиралась позаниматься, но на меня то и дело накатывала слабость, и я решила наведаться в столовую, чтобы раздобыть кофе. Но столовая была уже закрыта, зато рядом нашлась университетская кофейня. Оказалось, что это довольно популярное место среди студентов. Сесть было негде, так что, купив божественный напиток, я вернулась к себе. Правда, стоил он немало. Баловать себя смогу редко.

Поставив стаканчик на письменный стол, я взялась за черчение, но спустя час стало очевидно, что толку от моих попыток нет. Услышав шорох за дверью, я выглянула. Лили стояла посреди комнаты, с головы до ног вымазанная в краске, и ругалась под нос. Я позвала соседку, но Лили не реагировала.

– Ты решила окунуться в чан с краской?

– Только шуточек не хватало. Если бы! Если бы я не была идиоткой и выбрала наконец свою выпускную работу!

– И? – я ничего не понимала.

– А я не выбрала. Когда придет твой черед выбирать, ты поймешь, поверь, это непросто. Муки выбора, – соседка выдохнула и замерла, осматривая в зеркале разводы от красок на лице и одежде. – Это что-то типа рубежа нашего обучения. Оливер Хейни сегодня лютовал, и те, кто не выберут работу к следующей неделе, будут атакованы новой порцией.

– Ого! Но ведь занятия были утром.

– Были, только потом мы побежали на круг, и Харви Грин отыгрался на нас по полной.

– Что?

– То! Я не знаю, что должен тренер Оливеру Хейни, но сегодня мы побывали в преисподней. Теперь краску вывести невозможно, она засохла намертво, – выпалила она и еле слышно всхлипнула.

– Слушай, а наша швея, мисс Хагерти, не сможет помочь?

– Точно! Нат, ты гений! – она резко обернулась, подошла ко мне и поцеловала в щеку. – Надеюсь, она еще не спит, – сказала она в дверях.

В разных местах душевой красовались разводы от красок, видимо, не только Лили досталось. Надо будет не откладывать с выбором работы для защиты. Успокаивало, что времени еще было достаточно.

Есть еще кое-что…

Утро началось с грохота в гостиной. Судя по часам, я проснулась раньше на час. Шум и возня не прекращались.

Лили была абсолютно красного цвета. Она рылась в ящиках. В гостиной царил хаос, все вещи были разбросаны.

– Лили? – желать доброго утра, похоже, было неуместно.

– Пятна вывелись вместе с цветом одежды, – сказала она, медленно усаживаясь на диван. – А вот с лица и шеи я свела краску вместе кожей.

– Ты хоть поспала немного?

– Да какое там! Я только к утру выяснила, что мне поможет помочь, чтобы свести краску, спасибо нашей швее. А теперь все чешется. Нат! Я не могу так пойти на занятия!

Я смотрела на нее и пыталась сообразить, чем могу помочь. Сон еще не отпускал, и мои действия были заторможены. Я села на корточки к Лили и посмотрела на ее руки. И тут я вспомнила!

Я вбежала в комнату и стала поочередно вскрывать ящики комода. Пусто. Открыла шкаф, сама, не зная, где искомый предмет, и тут мне попалась спортивная форма. Бинго! Заветная мазь нашлась. Я отдала Лили свое сокровище, и соседка, встав перед зеркалом, нервными движениями стала втирать снадобье.

По расписанию первой лекцией была история архитектуры для общего потока. У зеркала я вертелась дольше обычного и решила, что мне не повредит немного блеска. Но когда я нанесла помаду, поняла, что, наверное, это зря, и хотела смыть, как в комнату влетела Лили.

– Нат! Эта мазь волшебная! Смотри, почти вся краснота сошла!

Счастливая Лили крутилась передо мной, как балерина из музыкальной шкатулки. Мазь и правда подействовала. Местами все еще оставались красные пятна, но в целом стало лучше.

– Нат, ты что, губы накрасила?

«Только не это».

– Да нет, я уже стереть хотела.

– Даже не вздумай, Нат! Ты, конечно, очень красивая, но твои губы просто требуют акцента.

– Даже не знаю.

– Оставь! Я требую! Я бы на твоем месте пользовалась своими данными!

Лили интересная девушка, с одной стороны, она казалась робкой и даже боязливой, но иногда в ней просыпалось пламя.

Поддавшись уговорам, я оставила помаду и пошла на учебу, а Лили решила одно занятие отсидеться. В аудиторию я зашла одной из первых и привычно заняла место рядом с окном. Пока никого не было, я разглядывала утреннее небо и считала, сколько оттенков в облачке. И сбилась со счета, когда студенты шумно стали заполнять пространство.

В аудиторию вошла Пэм, за ней шел Дэйв и Эмма с Питером. Я им помахала и, заметив меня, они направились в мою сторону.

– Нат! У тебя сегодня свидание? Выкладывай! – чуть не крикнула Пэм.

– Какое свидание?

– Сколько я тебя знаю, кроме пацанских джинсов и бейсболок тебя увлекал только футбол, ну и фильмы Тарантино. Но чтобы краситься – это сродни Рождеству в мае, – заметила Эмма.

Я взвыла, уронила голову на стол и накрыла руками.

– Я вольфе так не вуду, – послышалось от меня.

– А мне нравится. Тебе идет, – сказал Дэйв, усаживаясь рядом.

Я приподняла голову и улыбнулась ему.

– Колись! – хором пропели девочки.

– Привет, Натали. Тебе правда это… идет тебе, в общем, – проронил Питер и протиснулся между нами, присаживаясь на свободное место.

– Привет, Пит. Спасибо, – ответила я ему и демонстративно отвернулась от ребят.

И когда уже начнется занятие?!

– Всем привет. Оу! Принцесса, скажи, кто тебя увел из-под моего носа? Скажи мне, кто это, и ему не жить! – Том демонстративно схватился за сердце, а его лицо выражало сердечную боль.

Пэм с Эммой синхронно захихикали.

– Всех приветствую! Меня зовут Иэйен Мартинз. Я буду рассказывать вам об истории архитектуры, и в мою область отнюдь не входят дела сердечные! Молодой человек, сядьте на место. Ваша дама сердца даст ответ по окончании занятия. Наберитесь терпения, – смех раздался по аудитории, зашелестели тетради, а я готова была провалиться сквозь землю.

Профессор был старше средних лет, волосы собраны в хвост, а седая борода была интересной формы: короткая спереди и удлиненный пучок бороды справа. Выглядело странновато. Яркий пиджак малинового цвета и синие штаны из хлопка довершали образ.

– Начнем с Древнего Египта.

На проекторе высветилась карта Египта с рекой Нил и условными обозначениями по ее берегам.

– Древний Египет – это древнейшая цивилизация, и, как вы знаете, она условно разделена на три периода: Древнее, Среднее и Новое царство. Именно с Древнего Египта появляются всем известные пирамиды. Для египтян вся жизнь – это Нил. Река имела сакральное место для египтян. Как вы видите, река расположена меридионально, и солнце восходит с востока на запад. Египтяне считали, что солнце каждый день рождается и умирает. Поэтому, внимание, именно по левую руку от Нила находились гробницы и погребальные храмы. Запад – страна мертвых. А жизнь мертвых ничем не отличалась от мира живых. В загробном мире ты был тем же человеком, что и при жизни. Но прежде пирамид строили мастабы[1] – это жилища мертвых, куда родственники могли приходить и навещать усопшего. Взглянем на них.

На ланче Том наконец-то молчал, хотя тарелка в его случае – весомый аргумент. Я со стопроцентной точностью могла сказать, по каким студентам прошлись красочные снаряды. Семь девушек и парней с красными лицами разной тональности старались ни на кого не смотреть и вообще сели как можно дальше от основной части студентов.

В столовую вошла Лили. От красноты почти ничего не осталось, но вид у нее был загнанный и потерянный. Она смотрела в пол и нервно уворачивалась от студентов. Но когда она заметила меня, – вовсе отвернулась, ускорив шаг к раздаче.

Сразу после нее появилась Кэйли в окружении своей свиты. Они громко смеялись и что-то обсуждали. Я хотела подойти к Лили, когда она займет стол, и узнать, что случилось. Но, взяв еду с собой, она быстро покинула столовую.

– Что-то не так, – сказала я, сверля взглядом Кэйли, как вдруг та подняла на меня взгляд и улыбнулась.

– Что? – хором спросили ребята.

– С моей соседкой Лили что-то не так. Утром мы нормально разговаривали, а сейчас она убежала, как только меня увидела.

– Да и Кэйли как-то подозрительно светится от счастья, – сказала Эмма, мрачно провожая взглядом красную бестию.

---

[1] Терраса, выступ (араб.).

– Вчера мистер Хейни закидал красками тех, кто не выбрал выпускную работу, – поделилась я новостью с ребятами.

– Нет, ну дает он, конечно! Может, сходить к нему на мастер-класс? – приободряясь, сказал Том, а мы уставились на него.

– Какой мастер-класс? – спросил Дэйв.

– По метанию снарядов, – смеялся Том.

– Не знал, что он такое преподает.

– Что бы эта компания ни задумала, будь начеку, – сказала Пэм.

– Да уж, перешла ты ей дорогу. Интересно, только чем? – спросила Эмма.

– Вы чего, серьезно? – наши головы подвернулись к Тому. Мне и самой стало интересно. – Не знаете? – он явно наслаждался моментом. – Что, совсем? – не унимался рыжик.

– Да говори уже! – Эмма первая вышла из себя.

– Ну, не знаю, не знаю, – Том медленно поправлял волосы. – Надо подумать. А вы обещаете хорошо себя вести?

– Я не хочу показаться сплетником, но, по всей видимости, Кэйли испытывает чувства к декану, – тихо сказал Питер.

– Так вот на какое свидание ты собралась! – торжествовала Пэм, а Эмма сверкнула взглядом.

– Ты идешь на свидание? – спросил Дэйв.

– Принцесса, я думал, это я тебя очаровал, но раз на моем горизонте сам Джеймс Клейн возник, извини, я умываю руки, – деланно развел руки Том.

– Да не иду я ни на какое свидание!

– Прощу прощения. Мисс Лэнг, кажется, вы вчера обронили это.

Я повернула голову. Джеймс Клейн собственной персоной стоял за моей спиной и протягивал мой потерянный брелок.

– Спасибо, мистер Клейн, а я уж думала, не найду его.

Я потянулась за брелоком, и наши руки соприкоснулась. Мне показалось, что касание затянулось, и моя рука дрогнула, выронив брелок. Ребята молчали, и я была уверена, – они жадно следили за происходящим. Ситуация просто не могла быть более глупой.

Когда я снова потянулась за брелоком, то только сильнее его оттолкнула. Мистер Клейн присел на колено, одним движением подцепил скачущий брелок и аккуратно положил его на стол.

– Спасибо, – только и сказала я.

– Хорошего дня, ребята, – декан легко поднялся и удалился уверенной походкой к профессорскому столу, что находился в углу столовой наискосок от нас.

– Ты сейчас похожа на… – начал Дэйв и задумался, подыскивая нужное сравнение.

– Все, ребят, слишком много к нашей принцессе внимания, давайте обо мне поговорим? – вклинился Том.

Он говорил, как всегда, в своей шутливой манере, но в его взгляде было что-то еще, что-то неуловимое, иное, не простая бравада. Все уставились на Тома, а я одними губами произнесла «спасибо». Эмма фыркнула, но промолчала.

Я уставилась на тарелку, но аппетит пропал. Посмотрела в сторону и наткнулась на взгляд Кэйли, который просверливал во мне дыру. Она подвинулась к Майклу и что-то тихо ему сказала.

Я убрала брелок в сумку, еще немного поковыряла в тарелке и пошла на занятия.

После ланча, взяв Угольку стакан молока, я побрела к мистеру Норрису. И каково было мое удивление, когда я увидела около миски консервные банки с паштетами. Самого хозяина дома не оказалось, но дверь была не заперта. Дождавшись, когда Уголек попьет молока, я

почесала его за ушком. Котенок стал покрываться гладкой шерсткой и понемногу набирал вес. Помурлыкав, он уснул, свернувшись в клубок.

У себя в комнате я достала брелок, и перед глазами возникла мама, она сидела за старым пианино у нас дома. Я хорошо помню ее образ, она в такие моменты будто застывала на несколько минут, пребывая в своих фантазиях. Но наваждение длилось недолго, тогда она медленно вставала из-за инструмента, любовно проводя тонкими пальцами по клавишам, и шла заниматься домашними делами.

Может, когда я озвучила свое желание стать художником, я видела в маминых глазах грусть, знание, что творческий путь обманчив? Что меня ожидает за порогом университета? Может, и я стану матерью троих детей и буду так же, как мама, изредка смотреть на полотна и тихо вздыхать, раздумывая о том, а каково оно – быть художником? Ведь многие думают, что именно у него получится. Что, если и я ошибаюсь?

В гостиной тихо открылась дверь, и это заставило меня вынырнуть из мыслей. Я выглянула из комнаты и застала Лили крадущейся на цыпочках к своей комнате.

– Лили? – соседка замерла на месте. – Что-то случилось? У тебя все в порядке? – она несмело повернулась и виновато опустила глаза.

– Нат, извини, но у меня были причины…

– О чем ты?

– Понимаешь, я знакома с Кэйли ближе, чем остальные. Мы выросли вместе, – Лили говорила сбивчиво, постоянно теребя подол юбки. – Моя мать работает бухгалтером в адвокатской фирме отца Кэйли. У меня нет особого таланта, я просто люблю живопись… – она снова запнулась.

– Так и в чем связь? – комок поднимался к горлу.

– У отца Кэйли есть связи, и моя мама уговорила Грейга Бернема, чтобы тот, в свою очередь, замолвил за меня словечко на выпускном аукционе о покупке моей работы, – и тут я вспомнила, что даже в моем городе есть отделение адвокатской конторы «Бернем. Формула Истины». – Нат, прости, я не хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.